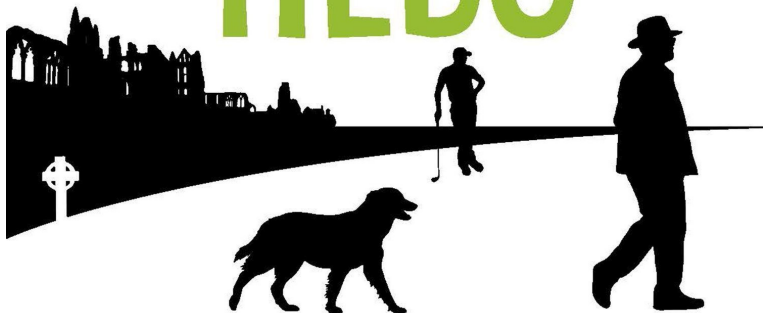

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КЕЙТ АТКИНСОН

Впервые на русском!

БОЛЬШОЕ
НЕБО

ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ ПРОЕКТ ДЕСЯТИЛЕТИЯ.
КНИГИ ИЗ ТЕХ, ЧТО СУЕШЬ ЛЮДЯМ В РУКИ СО СЛОВАМИ:
«ТЫ ПРОСТО ОБЯЗАН ЭТО ПРОЧЕСТЬ!»

Стивен Кинг

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Кейт Аткинсон

Большое небо

Серия «Джексон Броуди», книга 5
Серия «Звезды мирового детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55607929

Большое небо:

ISBN 978-5-389-18230-1

Аннотация

В высшую лигу современной литературы Кейт Аткинсон попала с первой же попытки: ее дебютный роман «Музей моих тайн» получил престижную Уитбредовскую премию, обойдя «Прощальный вздох мавра» Салмана Рушди, а цикл романов о частном детективе Джексоне Броуди, успевший полюбить и российский читатель («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем» – а теперь и «Большое небо»), Стивен Кинг окрестил «главным детективным проектом десятилетия». Суммарный тираж цикла превысил три миллиона экземпляров, а на основе первых его книг телеканал Би-би-си выпустил сериал «Преступления прошлого» с Джексоном Айзексом в главной роли.

Джексон Броуди поселился в крошечной приморской деревушке в северном Йоркшире, где ему иногда составляют

компанию сын и дряхлый лабрадор, и печально ожидает свадьбы своей дочери. Занимаясь рутинной работой частного детектива – в основном собирая доказательства супружеской неверности, – Джексон однажды встречается на осыпающемся утесе совершенно отчаявшегося человека. Протянув ему руку помощи в прямом и переносном смысле, Джексон поневоле ввязывается в расследование страшных преступлений, которые происходят много лет у полиции под носом, причем творят их люди самые что ни на есть приличные и уважаемые. Одновременно с Джексоном этот зловещий клубок под названием «магический круг» распутывает его старая эдинбургская знакомая, которой он обязан жизнью, – эрудитка и уже отнюдь не малютка Реджи Дич...

«Волшебный – и волшебю затыгивающу – мир пересекающуся тропок, коварных замыслов и удивительных совпадений. Невероятно увлекательно и трогательно» (*Sunday Mirror*).

Впервые на русском языке!

[i]Внимание! Содержит ненормативную лексику![/i]

Содержание

Выход уходом	10
Неделей раньше	12
«Андерсон, Прайс и партнеры»	12
Битва у Ла-Платы	19
Альбатрос	44
И сластей всевозможных[21]	65
Спасение на водах	81
Из конфет и пирожных	96
Близнецы Крей[34]	117
На восемнадцатой играем, на девятнадцатой пьем	128
В ожидании героя[39]	133
Летний сезон	136
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Кейт Аткинсон

Большое небо

© А. Б. Грызунова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

Издательство АЗБУКА®

Лучший детективный проект десятилетия... Книги из тех, что суешь людям в руки со словами: «Ты просто обязан это прочесть!»

Стивен Кинг

Если кто-нибудь скажет вам, что детективы теперь умеют писать только скандинавы, а прежние «хозяева дискурса», британцы, давно выдохлись и механически воспроизводят жанровые клише пятидесятилетней давности, просто назовите ему эту фамилию – Аткинсон, и на этом разговор закончится. Рассказывая об этой 60-летней женщине, трудно удержаться от восточноевропейской непосредственности – да ведь она прямо-таки мегазвезда, Агата Кристи на стероидах, умная, как черт, и остроумная, как тысяча чертей.

Замечательно прописанные герои, на которых навешаны камеры слежения; сцена за сценой – невероятно динамичные; здесь все не то, чем кажется, все ненадежно, никому нельзя верить; единственное, что неизменно, – это война против

клише, литературных и житейских, с первой до последней страницы. Словом, это нечто удивительное...

Лев Данилкин (Афиша)

Кейт Аткинсон – настоящее чудо.

Гиллиан Флинн

Столь непринужденному сочетанию комичного и трагичного мог бы позавидовать сам Диккенс – разве что сюжет у Аткинсон выстроен даже хитроумнее.

Хилари Мантел

Роман пропитан фирменным юмором Аткинсон, язвительным и лаконичным. Одна из главных прелестей всего цикла – насколько эти книги забавны.

Observer

Приключения Джексона Броуди в равной степени привлекают и мужскую, и женскую аудиторию – только лучшие детективы могут этим похвастать.

The Times

Идеально, ни одной фальшивой ноты... Долгое ожидание окупилось с лихвой.

Sunday Times Style

Волшебный – и волшебно затягивающий – мир пересекающихся тропок, коварных замыслов и удивительных совпадений. Невероятно увлекательно и трогательно.

Sunday Mirror

Аткинсон снова показывает мастер-класс того, на что способна современная детективная литература. Virtuозно используя жанровые условности, она живописует «очередной бой в войне против женщин» – войне, победителей в которой иногда все же судят.

Sunday Times

Талант у Кейт Аткинсон поистине безграничный.

Маргарет Форстер

Кейт Аткинсон – поразительный мастер. Она произвела революцию в жанре детектива...

Мэмм Хейг

Кейт Аткинсон – обязательное чтение. Я обожаю все, что она пишет.

Харлан Кобен

Каждую новую книгу Аткинсон ждешь, как Рождества: никто другой из наших современных писателей не способен так виртуозно балансировать на грани между серьезным и увлекательным, комичным и трагичным.

Sunday Telegraph

Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.

The Scotsman

По литературному мастерству, по яркости и глубине психологических описаний Кейт Аткинсон сегодня нет

равных.

Evening Standard

Кейт Аткинсон умеет быть загадочной и смешной, поднимая этот свой дар в каждом новом романе до заоблачных высот.

Sunday Tribune

Как это у нее получается? Аткинсон заставляет читателя то хохотать навзрыд, то рыдать в голос – иногда в пределах одной и той же фразы. Выдающийся триумф, неудержимая радость!

The Boston Sunday Globe

Литературная карьера англичанки Кейт Аткинсон вычертила довольно необычный зигзаг: начав с «просто романов», писательница переместилась в нишу детектива, добилась там колоссального успеха, а затем, не моргнув глазом, вновь вернулась к «просто романам».

Галина Юзефович

Просто невероятно, насколько книги Кейт Аткинсон полны радости жизни, притом что смерть в них отнюдь не редкая гостья. Безудержная энергия пронизывает ее романы от первой до последней страницы, сплавляя воедино прошлое и настоящее...

Guardian

Для Элисон Барроу

*До Просветления я рубил дрова и таскал воду.
После Просветления я рубил дрова и таскал
воду.*

Дзенская притча

Я за правду – и неважно, кто ее говорит.

*Я за справедливость – и неважно, для кого она
или против кого.*

Малькольм Икс

Выход уходом

– А теперь что? – спросил он.

– Срочно сматываемся, – ответила она, сбрасывая элегантные туфли под пассажирское сиденье. – Ноги отваливаются, – пояснила она и удрученно улыбнулась, потому что стоили эти туфли бешеных денег; кому и знать, как не ему, – он же за них и заплатил.

Фату она успела снять и кинула на заднее сиденье вместе с букетом, а теперь сражалась с чашей заколок в волосах. Нежный шелк подвенечного платья успел помяться, как мотыльковые крылышки. Она глянула на него и прибавила:

– Как ты выражаешься, пора мотать к чертям из Доджа¹.

– Ладно. Тогда в путь, – сказал он, заводя двигатель.

И отметил, что она ладонью обнимает округлый живот, где вынашивает пока еще невидимого ребенка. Очередную ветвь семейного древа. Прутик. Бутон. Прошлое, понял он в этот миг, не засчитывается. Ценно только настоящее.

– Ну, погнали, – сказал он и дал по газам.

По пути они сделали крюк и заехали на перевал Роуз-

¹ Расхожая цитата из долгоиграющего американского радио- и телесериала-вестерна «Дымок из ствола» (*Gunsmoke*, 1952–1961, 1955–1975) Нормана Макдоннелла и Джона Местона, где «мотать к чертям из Доджа», штат Канзас, то и дело рекомендует преступникам судебный исполнитель Мэтт Диллон в исполнении Джеймса Арнесса. – *Здесь и далее примеч. перев. Переводчик благодарит за поддержку Бориса Грызунова.*

дейл-Чимни размяться и посмотреть на закат, что затопил бескрайнее небо, распахнутое роскошной палитрой – красным, и желтым, и оранжевым, даже фиолетовым. Такое небо требовало поэзии – эту мысль он озвучил, а она ответила:

– Да нет, зачем? Одного неба вполне достаточно.

Так приходит мудрость, подумал он.

На холме стояла еще одна машина – пожилая пара тоже любовалась видом.

– Великолепно, да? – сказал мужчина.

Женщина улыбнулась им, поздравила «счастливую парочку» с бракосочетанием, а Джексон ответил:

– Вы не так поняли.

Неделей раньше

«Андерсон, Прайс и партнеры»

Катя придирчиво оглядела Надин макияж. Надя ей позировала, как для селфи, – щеки втянула, точно труп, и до последнего предела выпятила губы.

– Ага. Нормально, – наконец объявила Катя.

Она была младшая, зато командирша. «Прямо как близняшки», – говорили про них. Разделяли их два года и полтора дюйма росту. Катя была ниже и красивее, хотя обе сестры вышли миниатюрными и у них был одинаковый (не вполне естественный) оттенок светлых волос и глаза как у матери, с обведенными серым зелеными радужками.

– Замри, – сказала Надя и смахнула ресницу у Кати со щеки.

Надя получила диплом по гостиничному делу и работала в «Рэдиссон блу» – нарядившись в костюм с узкой юбкой, встав на двухдюймовые каблуки и убрав волосы в тугий узел, унимала жалобы постояльцев. Постояльцы только и делали, что жаловались. Дома, в квартирке немногим больше обувной коробки, она распускала волосы, надевала джинсы и широченную фуфайку, ходила босиком, и никто не жаловался, поскольку жила она одна – ей так больше нравилось.

Катя работала в обслуживании номеров той же гостиницы. По-английски она говорила похуже старшей сестры. Окончив школу, больше не училась, да и аттестатом особо не похващаешься, потому что все детство и почти все подростковые годы Катя занималась фигурным катанием, но в итоге выяснилось, что она все-таки не тянет. Жестокий, беспощадный мир, и Катя скучала по нему изо дня в день. Катоков ее закалил, и она сохранила комплекцию фигуристки, гибкую и сильную. Мужчины от нее слегка шалели. Надя занималась танцами, балетом, но пришлось бросить: мать не могла оплачивать занятия обеим. Надя от своего таланта отреклась запросто – ну, Кате так казалось.

В двадцать один год Катя еще жила дома, и ей не терпелось удрать из душного гнезда, хотя ясно было, что в Лондоне ее почти наверняка ждала точно такая же работа: заправлять постели, мыть унитазы и выуживать невесть чьи мыльные волосы из ваннных стоков. Но едва Катя приедет в Лондон, жизнь изменится – вот она прямо точно знает.

Этого человека звали мистер Прайс. Марк Прайс. Он был партнером в кадровом агентстве «Андерсон, Прайс и партнеры» и уже провел с Надей собеседование по Скайпу. Надя отчиталась Кате, что он симпатичный – загорелый, ни капельки не лысеет, у него благородная седина («как у Джорджа Клуни»), золотой перстень с печаткой, а на запястье тяжелый «ролекс» («как у Роджера Федерера»)².

² Роджер Федерер (р. 1981) – швейцарский теннисист, входил в десятку самых

– Пусть побережется, а то я за него замуж пойду, – сказала Катя сестре, и обе рассмеялись.

Надя отправила Марку Прайсу сканы всех своих дипломов и рекомендаций, и теперь дома, с Катей вдвоем, ждала, когда Марк Прайс снова позвонит по Скайпу, чтобы «еще раз подтвердить все детали» и «быстренько переговорить» с Катей. Надя спросила, не найдется ли работы и для ее сестры, и он сказал: «Почему нет?» В британских гостиницах работы невпроворот.

– Беда в том, что у нас никто не хочет работать добросовестно.

– Я хочу у вас работать добросовестно, – сказала Надя.

Они не дуры, они знали про торговлю людьми, про типов, которые вешают лапшу на уши, обещают хорошую работу, нормальную, а потом вкатывают девушкам дозняк и запирают где-нибудь на грязной хате, и там девушки занимаются конвейерным сексом с мужчинами, а домой вернуться не могут, потому что паспорта конфисковали и их еще надо «заработать» обратно. «Андерсон, Прайс и партнеры» – они не такие. У них профессионально сделанный веб-сайт, все честно. Они по всему миру нанимают сотрудников в гостиницы, дома престарелых, рестораны, клининговые компании, у них даже есть отделение в Брюсселе, и в Люксембурге тоже отделение. У них «филиалы», они признанные специалисты,

сильных теннисистов мира в одиночном разряде в 2002–2016 гг.; компания *Rolex* выступает одним из его спонсоров.

люди про них отзывы пишут.

В Скайпе видно мало, но, судя по тому, что видно, лондонский офис у них очень модный. Работа кипит – фоном безостановочно бубнят сотрудники, переговариваются, стучат по клавиатурам, отвечают на звонки. И сам Марк Прайс – серьезный и деловитый. Он говорил о «персонале», и «поддержке», и «ответственности нанимателя». Обещал помочь с жильем, визами, обучением английскому, непрерывным повышением квалификации.

Наде он уже кое-что подыскал, «отель высшего класса», но она может решить окончательно, когда приедет. У «такой умной девушки» будет масса возможностей.

– И у моей сестры, – напомнила Надя.

– И у вашей сестры, да, ну конечно, – засмеялся он.

Он даже готов был оплатить билеты на самолет. Обычно кадровые агентства требуют, чтобы ты платила *им*, и авансом. Пришлю электронные билеты, сказал Марк Прайс, рейс до Ньюкасла. Катя нашла на карте. Это за много миль от Лондона.

– Три часа на поезде, – сказал Марк Прайс, «ничего сложного».

И ему так выйдет дешевле – билеты же все-таки оплачивает он. Представитель «Андерсона, Прайса и партнеров» встретит их в аэропорту и отвезет переночевать в квартиру, снятую через *Airbnb* в Ньюкасле, потому что рейс из Гданьска прибывает поздно. Наутро кто-нибудь проводит их на

вокзал и посадит на поезд. А кто-нибудь еще подберет их на Кингз-Кросс и отвезет в гостиницу на несколько дней, пока не устроятся.

– Система отлажена, все как по маслу, – сказал Марк Прайс.

Надя, пожалуй, могла добиться перевода в другой «Рэдиссон», но она честолюбивая, хотела работать в каком-нибудь отеле люкс, который у всех на слуху, – в «Дорчестере», или «Лейсборо», или «Мандарин ориентал».

– Ну да, – сказал Марк Прайс, – у нас со всеми ними договор.

Кате до лампочки – она просто хотела в Лондон. Надя была серьезная, Катя – беспечная. Девушки, как в той песне, просто хотели веселиться³.

И теперь сидят перед Надиным ноутбуком и ждут звонка Марка Прайса.

Марк Прайс не опоздал ни на секунду.

– Так, – сказала Надя Кате. – Поехали. Готова?

Видеозвонок самую чуточку лагал – сложнее понимать, что говорит Марк Прайс. В английском Катя была не так сильна, как уверяла сестра. Восполняя этот изъян, она много смеялась, встряхивала волосами и придвигалась к камере,

³ Имеется в виду песня американского музыканта Роберта Хэзарда «Girls Just Want to Have Fun» (1979), ставшая известной в исполнении американской певицы Синди Лопер, выпустившей ее на своем первом альбоме «She's So Unusual» (1983).

точно надеялась, что выйдет убедительнее, если заполнить своим лицом весь экран. Зато красивая. Обе красивые, но эта красивее.

– Так, Катя, – сказал Марк Прайс. – Время подходит к концу. – И, прочтя в ее улыбке замешательство, для наглядности постучал по часам на запястье. – А ваша сестра рядом?

Надино лицо втиснулось на экран подле Катиного, и обе ему заулыбались. Как из фотобудки.

– Надя, – сказал он, – я распоряджусь, чтобы моя секретарша отправила вам билеты прямо с утра, хорошо? И до скорой встречи с вами обеими. Не терпится познакомиться лично. Доброго вам вечера.

Он закрыл окно звонка, и девушки исчезли. Марк Прайс встал и потянулся. Позади него на стене висел элегантный логотип «Андерсона, Прайса и партнеров». А также эстамп – что-то современное, но стильное. Собеседникам через камеру отчасти видно – Марк Прайс тщательно проверял. По другую его руку собеседникам видно орхидею. На вид настоящая, на деле фикция. Весь кабинет – фикция. И «Андерсон, Прайс и партнеры» – фикция, и Марк Прайс – фикция. Только «ролекс» у него настоящий.

Сидел он не в лондонском офисе, а в бесколесном стационарном трейлере среди чиста поля на восточном побережье. В своем, как он это называл, «другом офисе». До берега каких-то полмили, и чаячьи вопли порой грозили разрушить иллюзию, будто офис находится в Лондоне.

Он выключил запись «Звуки офиса», вырубил свет, запер трейлер и забрался в «лендровер-дискавери». Пора домой. На языке уже почти перекатывался «Талискер», который ему заранее нальет жена.

Битва у Ла-Платы

Итак, «Королевский ковчег» держится поодаль от противника...

И несколько тихих взрывов – чпок-чпок-чпок. Жестяная пальба пыталась заглушить вопли чаек, круживших над головой, и проигрывала.

Ах да, и при этом «Ахилл» подбили, но он, к счастью, успел связаться с «Королевским ковчегом», и тот уже мчится на подмогу...

Джексон не назвал бы это «мчится» – «Королевский ковчег» форсировал парковый пруд довольно-таки через не могу.

А вот и бомбардировщики Королевских ВВС! Метко стреляете, парни! Поприветствуем Королевские ВВС и боевое сопровождение...

Над прудом на тросах дергано проскакали два крошечных деревянных аэропланчика, и их встретили весьма кислыми аплодисментами.

– Господи Иисусе, – буркнул Натан. – Во нудятина.

– Не кощунствуй, – на автомате откликнулся Джексон.

Нудятина – это отчасти правда («самый маленький пилотируемый военно-морской флот в мире!»), но в этом ведь и очарование, нет? Кораблики – копии оригинальных, самый длинный – двадцать футов максимум, остальные ощутимо

меньше. В корабликах прятались сотрудники парка – штурманили. Аудитория расселась на деревянных скамьях ступенчатого бетонного амфитеатра. Перед началом старомодного пошиба дядька на эстраде час играл старомодного пошиба органную музычку, а теперь тот же старомодного пошиба дядька сопровождал бой комментарием. Старомодного пошиба.

(– Это когда-нибудь кончится? – осведомился Натан.)

Джексон в детстве и сам однажды сюда приходил – не с семьей (когда она у него была), их семья никогда ничего не делала вместе, никуда не ходила, даже на пикники. Рабочий класс, извольте: слишком заняты – ни минуты лишней на развлечения – и слишком бедны – нечем платить за развлечения, если даже выдалась минута. («Джексон, ты что, все пропустил? – сказала Джулия. – Классовая война закончилась. Проиграли все».) Обстоятельств он не помнил – может, ездил на экскурсию со скаутами, или с «Мальчишеской бригадой»⁴, или даже с Армией спасения: в юности он присасывался к любой организации, какая попадалась под руку, в надежде получить что-нибудь бесплатно. Растили Джексона католиком, но его религиозным убеждениям это не мешало. В десять лет он даже подписал Клятву, пообещав местному

⁴ «Мальчишеская бригада» (*Boys' Brigade*, с 1883 г.) – юношеская организация, основанная в Глазго, аналог скаутов; занимается воспитанием христианских ценностей в своих рядах.

Обществу умеренности при Армии спасения⁵ пожизненную трезвость в обмен на лимонад и тарелку пирожных.

(– И как в итоге сложилось? – поинтересовалась Джулия.)

Джексон вздохнул с облегчением, когда в его жизни появилась наконец настоящая Армия, где все было бесплатно. Хотя и не за так.

– Бой при Ла-Плате, – сообщил Джексон Натану, – это первая морская битва Второй мировой войны.

Такова, помимо прочих, задача отца – просвещать, особенно в областях особых своих компетенций: машины, войны, женщины.

(– Джексон, ты про женщин не знаешь *ни шиша*, – сказала Джулия.)

– Ну так а я о чем? – ответил Джексон.)

В ответ на любую входящую информацию Натан либо закатывал глаза, либо прикидывался глухим. Джексон надеялся, что сын бессознательно впитывает эти сообразные случаю советы и предостережения, которыми его нескончаемо орошали: «Не подходи к краю обрыва. Не ешь руками, возьми нож и вилку. Уступи место в автобусе». Впрочем, когда это Натан ездил в автобусе? Его повсюду развозили, все равно что лорда какого. Сыну Джексона минуло тринадцать, и его разросшееся эго могло бы глотать планеты не жуя.

– В каком смысле «пилотируемый»? – спросил Натан.

⁵ Армия спасения – британская христианская организация, основанная в 1865 г. Уильямом Бутом, который был методистским проповедником.

– Там внутри люди, управляют кораблями.

– Нет там никого, – фыркнул Натан. – Во дебилизм.

– Есть. Увидишь.

А вот и «Эксетер». Теперь вражеской подлодке не поздравится...

– Ты погоди, – сказал Джексон. – Вот вырастешь, у тебя родятся дети, и будешь ты их таскать по всяким местам, которые сейчас ненавидишь. Музеи, замки, загородные прогулки. И дети, в свою очередь, будут ненавидеть тебя. Такова, сын мой, космическая справедливость в действии.

– Сюда я их не потащу, – сказал Натан.

– Слышишь гогот? Это я так посмеюсь.

– Да фиг там. Ты тогда уже умрешь.

– Спасибо. Спасибо тебе, Натан, – вздохнул Джексон.

Он в этом возрасте тоже был такой черствый? И необязательно было напоминать, что Джексон смертен, – свою смертность он видел изо дня в день в растущем пацане.

Но есть и хорошие новости: сегодня Натан изъяснялся плюс-минус целыми предложениями, а не обезьяньим ворчанием, как обычно. Развалился на скамейке, распялил длинные ноги, а руки скрестил саркастически – иначе не опишешь. Ступни (кроссовки, конечно, дизайнерские) громадны – скоро Натан перерастет Джексона. В его годы у Джексона было две смены одежды, и одна из них – школьная форма. Помимо физкультурных теннисок («Чего-чего?» – переспросил Натан), у Джексона имелась всего

одна пара обуви, и понятия «дизайнерский» или «логотип» озадачили бы его не на шутку.

Когда Джексону минуло тринадцать, его мать уже умерла от рака, сестру убили, а брат покончил с собой, любезно предоставив Джексону по возвращении из школы обнаружить тело, болтавшееся на крюке для люстры. Джексону так и не выпало шанса думать только о себе, сидеть развалиясь, предъявлять требования, саркастически скрещивать руки. Вдобавок отец за такое шкуру бы с него спустил. Не то чтобы Джексон желал сыну страданий, боже упаси, но чуток прикрутить нарциссизм не повредило бы.

Джулия, мать Натана, по части горя шла с Джексоном голова к голове: одна сестра убита, другая покончила с собой, третья умерла от рака.

(– Да, и папочкины домогательства не забудь, – напомнила она Джексону. – Пожалуй, с козырей хожу я.)

И теперь все невзгоды их обоюдного прошлого кристаллизовались в одном-единственном ребенке. А вдруг, вопреки безмятежной наружности, все это застряло у Натана в ДНК и заразило ему кровь и уже сейчас в костях его раковыми клетками растут и множатся трагедии и горе?

(– Ты никогда не пробовал оптимизм? – спросила Джулия.

– Один раз, – ответил Джексон. – Мне не пошло.)

– Ты же вроде обещал мороженое.

– Я думаю, ты хотел сказать: «Папа, можно мне мороженое, которое ты обещал, а сейчас на минутку забыл. Пожа-

луйста?»

– Да пофиг. – После замечательно долгой паузы Натан неохотно прибавил: – Пожалуйста.

(Когда отпрыск чего-нибудь требовал, невозмутимая Джулия откликалась:

– Я служу прихотям президента.)

– Какое тебе?

– «Магnum». С двойной арахисовой пастой.

– Что-то ты больно высоко замахнулся.

– Да пофиг. «Корнетто».

– Все равно высокогато.

За Натаном тянулся облачный шлейф гастрономических инструкций. Перекусы, удивительное дело, нервировали Джулию донельзя.

– Постарайся следить, что он ест, – сказала она. – Маленькую шоколадку можно, конфеты – нет, особенно никаких «Харибо». Он, когда переедает сахара, после полуночи – натуральный греmlin. И если сможешь запихнуть в него хоть какой-нибудь фрукт, тогда ты как женщина меня обскакал.

Год-другой – и Джулия начнет психовать из-за сигарет, и алкоголя, и наркотиков. Сахарным годам надо радоваться, считал Джексон.

– Я схожу за мороженым, – сказал он сейчас Натану, – а ты последи за нашим другом Гэри – вон он, в первом ряду. Хорошо? – Натан ничем не выказал, что услышал, поэтому Джексон, секунду подождав, спросил: – Что я сейчас сказал?

– Ты сказал: «Пока меня нет, последи за нашим другом Гэри – вон он, в первом ряду. Хорошо?»

– Точно. Ладно, – ответил Джексон, слегка устыдившись – чего выдавать, впрочем, не планировал. – Держи. – И он протянул Натану свой айфон. – Сними, если он что-нибудь интересное учудит.

Джексон поднялся, и собака направилась за ним к киоску, вскарабкалась следом по ступеням. Собака Джулии – Дидона, палевая ретриверша, жирная и пожилая. Много лет назад, когда Джулия только познакомила Джексона с Дидоной («Джексон, это Дидона; Дидона, это Джексон»), он думал, собаку назвали в честь певицы, но нет – как выяснилось, в честь царицы Карфагена⁶. Джулия во всей красе.

К Дидоне – собаке, а не царице – тоже прилагался длинный список инструкций. Можно подумать, Джексон никогда не присматривал за ребенком или собакой.

(– Но это был не мой ребенок и не моя собака, – отметила Джулия.

– *Наш* ребенок. Ты же это хотела сказать? – ответил Джексон.)

Джексону удалось предъявить права собственности на Натана, когда тому было уже три. Джулия по причинам, нико-

⁶ Дидона – легендарная основательница Карфагена, которая влюбилась в Энея и покончила с собой от любви, персонаж «Энеиды» Вергилия. Также Дидона (Dido, Дайдо Флориан Клу де Буневиаль О’Мэлли Армстронг, р. 1971) – английская автор песен и поп-певица, записавшая свой первый альбом «No Angel» в 1999 г.

му, кроме нее, неведомым, отрицала, что Джексон – отец Натана, а когда признала отцовство Джексона, лучшие годы тот уже пропустил.

(– Я хотела его только для себя, – сказала она.)

Теперь, однако, наступили худшие годы, и Джулия больше не жадничала.

Почти все школьные каникулы она будет «бешено» занята, поэтому Джексон привез Натана к себе в коттедж, который теперь снимал на восточном побережье Йоркшира, в паре миль от Уитби. Если вайфай нормальный, бизнесом – «Расследованиями Бруды» – Джексон мог рулить примерно откуда угодно. Интернет – зло, но как его не любить?

Джулия играла какого-то судмедэксперта («единственного судмедэксперта», поправляла она) в долгоиграющем полицейском сериале «Балкер». О «Балкере» говорили, что это «правдивая драма из жизни севера», хотя сериал уже превратился в избитую ахиною, из пальца высосанную столичными циниками, у которых на кокаине, а то и на чем похуже совсем поехала крыша.

В кои-то веки Джулии дали отдельную сюжетную линию.

– Большая арка, съемки потоком, нормальная прогрессия, – сказала она Джексону.

Ему послышалось «потопом» и «процессия», и про себя он разгадывал эту загадку довольно долго. До сих пор, едва Джулия заговаривала про «свою арку», ему виделось, как она ведет процессию очумелых нелепых зверей, один друго-

го краше, парами по сходням на ковчег. Настань на земле Потоп, Джулия – не худшая компания. Вопреки напускной беспечности и наигранности, она живучая и находчивая, не говоря уж о том, что дружит со зверями.

Джулии пора было продлевать контракт, сценарий ей надеживали в час по чайной ложке, и, говорила она, ее «арка» наверняка закончится скверно.

(– Все там будем, – сказал на это Джексон.)

Джулия не огорчалась – мол, и так неплохо поработала. Ее агент поглядывал на одну комедию эпохи Реставрации, которую планировали к постановке в Театре Уэст-Йоркшира.

(– Нормальная актерская работа, – сказала Джулия. – А не выгорит – всегда есть «Танцы со звездами»⁷. Дважды предлагали. Видимо, по самому дну уже скребут.)

У нее был чудесный гортанный смех, особенно в минуты самоуничтожения. Может, притворного. Было в этом некое очарование.

– Как и предполагалось, «Магnumов» нет, «Корнетто» нет, есть только «Бассани», – объявил Джексон, вернувшись с двумя рожками, которые нес перед собой, как факелы.

Казалось бы, после всего, что было, люди перестанут кормить своих детей мороженым «Бассани». И галереи Кармоди

⁷ «Танцы со звездами» (*Strictly Come Dancing*, с 2004) – британский телевизионный танцевальный конкурс, где каждая пара конкурсантов состоит из профессионального танцора и какой-нибудь звезды.

тоже на месте – аляповатые и популярные, прямо на виду. Мороженое и игровые автоматы – идеальная приманка для детей. Вроде лет десять уже прошло с тех пор, как о деле писали газеты? (Чем Джексон старше, тем увертливее время.) Антонио Бассани и Майкл Кармоди, местные шишки, – один в тюрьме, другой наложил на себя руки, только Джексон вечно путал, который из них кто. И не удивился бы, узнав, что тому, который в тюрьме, вскорости пора откинуться, если еще не успел. Бассани и Кармоди любили детей. Слишком любили. Любили раздавать детей другим мужчинам, которые слишком любили детей. Как подарки, как фанты.

Неизбывно голодная Дидона прибрела за Джексонем по пятам, лучась надеждой, и вместо мороженого он выдал псине собачье лакомство в форме косточки. Форма ей, наверное, по барабану.

– Есть ванильное и шоколадное, – сказал Джексон Натану. – Тебе какое?

Вопрос риторический. Пока ты не имеешь права голосовать на выборах, на хрена тебе сдалось ванильное?

– Шоколадное. Спасибо.

Спасибо: воспитание одержало небольшую победу, отметил Джексон.

(– Да он потом выправится, – сказала Джулия. – Подросткам тяжело – у них же гормональный хаос, и вдобавок они вечно устают. Чтоб расти, надо много сил.)

Ладно, а как же подростки прошлого – бросали школу в четырнадцать (почти сверстниками Натану!), шли на заводы, и в литейные, и в шахты? (Отец Джексона, к примеру, и отец его отца.) Или сам Джексон – в шестнадцать в армию: власть разломала юнца на куски и собрала в мужчину. Этим подросткам, включая Джексона, дозволялась роскошь гормонального хаоса? Да где там. Они шли работать наравне с мужчинами и вели себя пристойно, в конце недели приносили домой матерям (или отцам) конверты с жалованьем и...

(– Ой, ну хватит уже, а? – устало сказала Джулия. – Этой жизни больше нет и не будет.)

– А где Гэри? – спросил Джексон, оглядывая ряды скамей.

– Какой Гэри?

– Такой Гэри, за которым тебе полагалось следить.

Не отрываясь от телефона, Натан кивнул на драконьи лодки – Гэри и Кёрсти стояли в очереди за билетами.

И вот окончен бой, высоко взвился британский флаг. Поприветствуем наше старое доброе знамя!

Джексон заорал вместе со всеми. Компанейски ткнул Натана локтем в бок и сказал:

– Ну давай, поприветствуй наше старое доброе знамя.

– Ура, – лаконично ответил Натан.

Ирония, ты зовешься: Натан Ленд⁸. Сын носил фамилию матери – источник некоторых раздоров между Джулией

⁸ Аллюзия на: Уильям Шекспир, Гамлет, принц датский, акт 1, сцена 2: «Бренность, ты зовешься: женщина!», перев. М. Лозинского.

и Джексон. Мягко говоря. «Натан Ленд», на слух Джексона, походил на финансиста восемнадцатого века, основателя европейской банковской династии. А вот «Нат Броуди» – крепкий авантюрист: он отправляется на запад, к фронтиру, в поисках золота или скота, и по следам его идут женщины сомнительной моральной устойчивости.

(– Причудливо, надо же. Это с каких пор у тебя? – спросила Джулия.)

Вероятно, с тех пор, как познакомился с тобой, подумал Джексон.)

– Можно мы уже пойдем? – спросил Натан, беззастенчиво зевая во весь рот.

– Минуту, я хочу доесть, – ответил Джексон, помахав мороженым. По его убеждению, взрослый человек, когда лижет мороженое на ходу, выглядит просто рекордным болваном.

Участники Битвы при Ла-Плате отправились на круг почета. Люди в кораблицах сняли со своего транспорта верх, типа рубки, и махали толпе.

– Видал? – сказал Джексон. – Я ж говорил.

Натан закатил глаза:

– Говорил, говорил. А *теперь* можно мы уже пойдем?

– Ага, только на Гэри глянем.

Натан застонал, будто в ожидании пытки водой.

– Терпи, – бодро посоветовал Джексон.

Самый маленький пилотируемый военно-морской флот в мире отбывал на стоянку, и в пруд вновь высыпали парко-

вые драконьи лодки – водные велосипеды детсадовских расцветок, с длинными шеями и большущими драконьими головами, как мультяшные драккары викингов. Гэри и Кёрсти оседлали своего бешеного скакуна, и Гэри героически крутил педали, устремляясь на середину пруда. Джексон раздвинул штаны и сфотографировал. Полистал в телефоне – надо же, приятный сюрприз: пока ходил за мороженым, Натан, оказывается, сделал серию – современный аналог кинеографа из Джексонова детства. Гэри и Кёрсти целовались, пуча губы, точно пара иглобрюхов.

– Молодчина, – сказал Джексон Натану.

– А *теперь* можно мы уже пойдём?

– Да, теперь можно.

За Гэри с Кёрсти Джексон ходил хвостом несколько недель. Пенни, жена Гарри, получила столько их фотографий *in flagrante*⁹, что хватило бы на несколько разводов из-за адюльтера, но всякий раз, когда Джексон говорил: «Помо-ему, миссис Рулькин, улик достаточно», – та неизменно отвечала: «Последите за ними еще чуть-чуть, мистер Броуди». Пенни Рулькин – не повезло человеку с фамилией. Свиная рулька. Не самый дорогой товар в мясницкой лавке. Мать Джексона готовила свиные копыта и голову тоже. От рыла до хвоста и все, что в промежутке, – не выбрасывалось ничего. Мать была ирландкой, память о голоде врезалась ей в самый

⁹ В момент совершения преступления (*лат.*).

скелет – как резьба по кости, Джексон видел такую в музее Уитби. И, как у всякой ирландской матери, мужчин в семье, конечно, кормили первыми, в порядке старшинства. Затем настаивал черед сестры, а уж потом мать сама садилась за стол и ела то, что оставалось, – зачастую пару картошек, лужицу подливки, и все. Эту материнскую жертву замечала только Нив. («На, мам, я тебе мяса отложу».)

После смерти сестра порой являлась Джексону отчетливее, чем при жизни. Он хранил память о ней изо всех сил – поддерживать этот огонек больше некому. Скоро Нив погаснет на веки вечные. Как и Джексон, как и его сын, как...

(– Да господи боже, уймись, наконец, – окрысилась Джулия.)

Джексон уже подозревал, что этот (почти) вуайеризм доставляет Пенни Рувькин некое мазохистское удовольствие. Или, может, у нее далеко идущие планы, в которые она Джексона не посвящает? Может, Пенни Рувькин рассчитывает переждать – Пенелопой, что надеется на возвращение Одиссея. Натану на каникулы задали домашнюю работу по «Одиссее». У него в голове, похоже, ничего не осело, а вот у Джексона – горы.

Натан учился в частной школе (спасибо в основном гононерам Джулии за «Балкера») – из принципиальных соображений Джексон возражал, но втайне вздыхал с облегчением: местная средняя у Натана – дыра дырой.

(– Я вот не понимаю, – сказала Джулия. – Ты лицемер или

просто мозгодуЙ-неудачник?

Она всегда так безапелляционно ставила оценки? Прежде эту функцию выполняла его бывшая жена Джози. С каких пор сей труд взвалила на себя Джулия?)

Гэри и Кёрсти Джексону наскучили. Оба – рабы привычек. Встречались вечерами по понедельникам и средам в Лидсе, где работали в одной страховой компании. Все по распорядку: выпить, поесть, на пару часов уединиться в модной квартирке у Кёрсти, и чем они там занимались, Джексон догадывался – слава богу, можно не смотреть. Потом Гэри садился в машину и ехал домой к Пенни и их общей кирпичной безликой половине дуплекса в Эйкоме, жилком пригороде Йорка. Джексон льстил себе мыслью, что, будь он женат и заведи роман на стороне – чего он в жизни не делал, вот вам крест, – все было бы малость спонтаннее, малость менее предсказуемо. Малость веселее. Хотелось бы верить.

Лидс – не ближний свет и все по пустошам, так что Джексон нанял услужливого юнца по имени Сэм Тиллинг из Харрогита: Сэм валандался в паузе между окончанием университета и поступлением в полицию, и Джексон подряжал его бегать на посылках. Сэм рьяно выполнял нудные задачи – винные бары, коктейльные бары, индийские рестораны, где Гэри и Кёрсти предавались своей обузданной страсти. Время от времени они тащились куда-нибудь на пикник. Сегодня четверг, – видимо, слиняли с работы под предлогом хорошей погоды. Не имея никакой доказательной базы, Джексон во-

ображал, что Гэри и Кёрсти из тех, кто врет работодателям и не краснеет.

Поскольку Пизэм-парк – это у Джексона практически за порогом, сегодня он решил последить за парочкой сам. Вдобавок получил повод провести время с Натаном, хотя у того предпочтительная позиция по умолчанию – сидеть дома и играть в «Grand Theft Auto» на Xbox или болтать онлайн с друзьями. (О чем они *говорят*? Они же никогда ничего не *делают*.) В тщетной попытке привить Натану понимание истории Джексон таскал его (почти буквально) вверх по ста девяноста девяти ступеням к истаявшим руинам аббатства Уитби. То же самое с музеем – там Джексону нравилась курьезная мешанина экспонатов, от окаменевших крокодилов до китобойных сувениров и мумифицированной руки висельника. Никакой интерактивной лабуды под девизом «Развлекай детей с синдромом дефицита внимания, чего бы это ни стоило». Лишь винегрет из стародавних времен, так и не изменивший викторианским витринам: бабочки на булавах, птичьи чучела, выкладка военных медалей, кукольные домики без одной стены. Всевозможные осколки человеческих жизней – а что еще важно, да?

К удивлению Джексона, мерзость мумифицированной кисти не очаровала Натана. Экспонат назывался «Рука славы» и был снабжен закрученным и путаным народным преданием о виселицах и предприимчивых форточниках. Кроме того, музей под завязку набили морским наследием Уитби, для

Натана тоже не представлявшим ни малейшего интереса, а от Музея капитана Кука, понятно, толку ноль. Куком Джексон восхищался.

– Первый человек, обогнувший земной шар, – сообщил он, надеясь заинтриговать Натана.

– И? – сказал тот.

(«И?»! Как Джексон ненавидел это пренебрежительное «И?».)

Может, сын и прав. Может, прошлое больше не выступает контекстом настоящего. Может, все это уже не имеет значения. И что же, так вот и кончится мир, только не взрывом, а «и?»¹⁰

Пока Гэри куролесил с Кёрсти, Пенни Рулькин рулила бизнесом – сувенирной лавкой в Эйкоме под названием «Кладезь», где весь интерьер немилосердно пропах смесью пачули с ванилином. Ассортимент – главным образом открытки и упаковочная бумага, календари, свечи, мыло, кружки и кучи изящных предметов, чью функцию не вдруг и вычислишь. Бизнес выживал, передвигаясь короткими перебежками от праздника к празднику – Рождество, День святого Валентина, День матери, Хеллоуин и снова Рождество, – а в промежутках пробавлялся днями рождения.

– Ну, у него нет задачи как таковой, – сказала Пенни Рулькин, когда Джексон любопытствовал насчет смысла жизни

¹⁰ Аллюзия на поэму англо-американского поэта-модерниста Томаса Стернса Элиота «Полые люди» (*The Hollow Men*, 1925), перев. В. Топорова.

мягкого алого сердца из фетра, на котором блестками было выложено «Любовь». – Его надо просто повесить куда-нибудь.

Пенни Рулькин обладала романтической натурой – что, по ее же словам, ее и погубило. Была она христианкой – «вернулась к Христу и родилась заново». (А казалось бы, родись однажды – и норму выполнил, нет?) Она носила на шее крестик, а на руке ленту с отпечатанной аббревиатурой ЧБСИ, поставившей Джексона в тупик.

– «Что бы сделал Иисус?», – пояснила Пенни Рулькин. – Я на нее смотрю, чтобы вовремя остановиться, подумать и не наломать дров.

Мне бы, прикинул Джексон, такая тоже не помешала. ЧБСД – что бы сделал Джексон?

«Расследования Броуди» – очередное воплощение былого частного детективного агентства Джексона, хотя термина «частный детектив» он старался избегать: коннотации слишком шикарные (или низкопробные, зависит от позиции). Слишком отдает Чандлером. Внушает людям пустые надежды.

Дни свои Джексон тратил на беготню по поручениям юристов – отследить долги, пошпионить за людьми, в таком духе. Плюс служебные хищения, запросы в Службу мониторинга соответствия должностям, пробивка будущих сотрудников, аудит по мелочи, но на самом деле, водружая на стенку воображаемую вывеску «Расследований Броуди», он с тем же

успехом мог заменить ее на фетровое сердце Пенни Рулькин, поскольку в основном по работе ему приходилось либо пасти неверных супругов (адюльтер, ты зовешься: Гэри), либо загонять наивных будущих Гэри в липкое нутро медовых приманок (мушинных ловушек, как про себя выражался Джексон), дабы испытать женихов и партнеров соблазном. Джексон, уж на что старик, представления не имел, сколько, оказывается, на свете ревнивых женщин.

Для этих целей он приправлял свои мужеядные ловушки провокаторшей. Провокаторшей выступала особо лакомая, однако смертоносная медовая пчелка – русская по имени Татьяна. Скорее шершень, чем пчелка, будем честны. С Татьяной Джексон познакомился в прошлой жизни, когда она была доминатрикс, а он располагал свободой и – во-первых, недолго, во-вторых, неловко вспоминать – миллионами. Не было ни секса, ни отношений, боже упаси, он скорее лег бы в постель с вышеупомянутым шершнем, чем с Татьяной. Просто ее краем задело расследование, в котором он тогда погряз по самые уши. И вдобавок Джексон в те времена был с Джулией (ну, у него складывалось такое впечатление) и увлеченно создавал эмбриона, который в один прекрасный день распялит ноги и саркастически скрестит руки на груди. Татьяна, по ее заверениям, была дитятей цирка, дочь знаменитого клоуна. В России, говорила она, клоуны не смешные. Да и здесь не лучше, про себя уточнял Джексон. Сама Татьяна, как ни поразительно, некогда выступала воздушной

гимнасткой. До сих пор, интересно, тренируется?

Со времен их знакомства мрак в мире сгустился – впрочем, насколько Джексон умел разглядеть, мрак в мире сгустился что ни день, – но Татьяна изменилась мало, хотя тоже перевоплотилась. Джексон повстречал ее случайно (надо полагать; впрочем, кто его знает?) в Лидсе, где она работала в баре, подавала коктейли (тут где-то кроется песня¹¹) – облачившись в тугое черное платье с блестками, светила своими прелестями и строила глазки клиентам.

– Легально, – сказала она потом, хотя в ее устах слово лишилось всякого правдоподобия.

Как-то под вечер Джексон по профессиональной надобности выпивал с адвокатом Стивенем Меллорсом, которому порой оказывал кое-какие услуги. Бар – из тех модных заведений, где стоит крошечная темень и поди разгляди, что у тебя в бокале. Меллорс – тоже модный тип, метросексуал и тем гордится (в чем Джексона никто не упрекнет), заказал «Манхэттен», а Джексон ограничился «Перрье». Он считал, в Лидсе не стоит доверять воде из-под крана. Джексон не то чтобы принципиально возражал против алкоголя – наоборот, – но назначил себе очень строгие правила вождения подшофе. Разок соскребешь с асфальта полную машину малолетних лихачей – и сразу дойдет, что автомобили с алко-

¹¹ Тут кроется песня Джо Каллиса, Филипа Оуки и Филипа Адриана Райта «Don't You Want Me», записанная британской синти-поп-группой *The Human League* и вышедшая на их третьем альбоме «Dare» (1981).

голем мешать нельзя.

Одна официантка приняла у них заказ, другая принесла заказанное. Присела с подносом – немалый риск для женщины на четырехдюймовых каблуках, зато, пока она ставила «Манхэттен» на низкий столик, Меллорс успел полюбоваться ее декольте. Таким же манером она оделила Джексона – медленно излила «Перрье» ему в стакан, словно одним этим соблазняла.

– Спасибо, – сказал Джексон, стараясь вести себя поджентльменски (задача на всю жизнь) и в декольте не пятиться. Вместо этого посмотрел ей в глаза – а она в ответ улыбнулась ему смертоносно и до буквального ужаса знакомо и сказала:

– Привет, Джексон Броуди, вот мы и встретились снова, – точно пробовалась на роль злодейки в «бондиане».

Когда к Джексону вернулся дар речи, официантка уже удалилась на своих колюще-режущих каблуках (не зря они называются шпильками) и растворилась в тени.

– Офигеть, – одобрительно промолвил Стивен Меллорс. – Везет тебе, Броуди. Такими бедрами орехи бы колоть. Приседает, наверное, по сто тыщ раз.

– Да нет, она на трапеции, – ответил Джексон.

Со стола ему подмигнула упавшая блесстка – точно визитку оставили.

По пути из парка Натан бежал вприпрыжку, как ще-

нок, а Дидона отважно ковыляла вперевалку, будто ей не помешал бы протез тазобедренного сустава (вообще-то, и впрямь). У ворот висела доска объявлений, заклеенная афишами всевозможных летних радостей – День шляпочного флага, Том Джонс в зеленом театре, «Шоуваддивадди» на Курорте¹². Некая программа «Назад в восьмидесятые», эстрадное шоу в «Чертогах» – гвоздем программы Баркли Джек. Эту перекошенную рожу Джексон узнал. «Наш родной, северный хохмач, крепче держитесь за животы! Необходим родительский контроль».

Джексон про Баркли Джека знал что-то неприглядное, но не удавалось поднять это знание со дна памяти, из гнетущего глубоководного пейзажа, усеянного ржавыми обломками кораблекрушений и продуктами распада мозговых клеток. Какой-то скандал, то ли с детьми, то ли с наркотиками, какой-то несчастный случай в бассейне. Вроде был обыск в доме, где ничего не нашли, а потом обильные извинения и опровержения полиции и СМИ, но, короче, на этом карьере Баркли Джека настал конец. И что-то еще там было – но Джексон уже исчерпал свои археологические таланты.

– Во мудук, – сказал Натан.

– Давай без этого слова, – сказал Джексон.

¹² Сэр Том Джонс (р. 1940) – британский эстрадный певец (отличающийся крайне энергичной и проникновенной манерой). «Шоуваддивадди» (*Showaddywaddy*, с 1973 г.) – британская поп-рок-группа из Лестера, по сей день с завидным постоянством исполняющая хиты 1950–1960-х гг. в образе тедди-боев.

Каков тут возрастной ценз, задумался он между тем, – когда разрешать своему ребенку безнаказанно сквернословить?

По пути к стоянке они миновали бунгало, гордо представлявшееся вывеской на воротах: «Сойдетитак». Натан расшифровал не сразу, а когда расшифровал – фыркнул:

– Говно какое-то.

– Да уж, – согласился Джексон. («Говно» можно, рассудил он, – слишком полезное слово, нельзя вовсе его запретить.) – Но, пожалуй, довольно-таки, не знаю... дзенский подход. – («Дзенский»? Он правда так сказал?) – Осознать, что ты куда-то пришел – и хватит. Не добиваться, а принимать. – (Джексон каждый божий день тщился приручить эту концепцию.)

– Все равно говно.

– Ну, что поделать.

На стоянке им повстречались, как их про себя всегда называл Джексон, «плохие пацаны» – трое, всего на пару лет старше Натана. Они курили и пили из банок то, что у Джулии, безусловно, значилось бы в списке табу. И околачивались чересчур близко к машине Джексона. В мечтах он ездил на более brutальной тачке, но в текущей реальности сделал выбор в пользу трагически унылой и не самой дорогой «тойоты», которая лишний раз подчеркивала его статус родителя и собачьей няньки.

– Ребята? – сказал он, внезапно снова став полицейским.

От властности его тона они расчихикались. Джексон не глядя почувствовал, как Натан притулился ближе, – при всей бравате он все-таки еще ребенок. От такой сыновней ранимости сердце у Джексона переполнилось. Если кто трогал Натана хоть пальцем или просто огорчал, Джексон с трудом давил в себе порыв оторвать обидчику голову и засунуть куда подальше, где солнышко не светит. Допустим, в Миддлсбро.

Дидона инстинктивно зарычала на пацанов.

– Ты серьезно? – сказал ей Джексон. – И где же твой страшный сообщник-волчара?

А пацанам он сказал:

– Ребята, машина моя, так что валите, все понятно?

Джексона безмозглым наглým подростком не напугать. Один смял под ногой пустую банку и задом пихнул машину, отчего она разразилась воплями сигнализации, а они – хохотом, как гиены. Джексон вздохнул. Вряд ли можно их отметить – они же, говоря строго, еще дети, а он предпочитал применять силу к тем, кому по возрасту уже разрешено защищать родину.

Пацаны уходили не спеша – пятились, оскорбляя Джексона каждым своим движением. Один предъявлял похабный жест с двух рук – как будто двумя пальцами жонглировал чем-то невидимым. Джексон вырубил сигнализацию и отпер дверцу. Натан залез на пассажирское сиденье, а Джексон посадил Дидону назад. Весила эта псина тонну.

Выезжая со стоянки, они нагнали пацанов – троица неторопливо фланировала прочь. Один изобразил обезьяну – «Уу! Уу! Ууу!» – и полез на капот ползшей мимо «тойоты», решил в сафари поиграть. Джексон вдарил по тормозам, и пацан грохнулся на асфальт. Джексон поехал дальше, не глянув, нанесен ли урон.

– Во мудаки, – сказал он Натану.

Альбатрос

Гольф-клуб «Бельведер». На грине Томас Холройд, Эндрю Брэгг, Винсент Айвс. Пекарь, мясник, свечник¹³. На самом деле владелец компании грузоперевозок, турагент / отельер и региональный менеджер компании-производителя телеком-оборудования.

Начинать черед Винсу. Он встал в позу и постарался сосредоточиться. Услышал, как за спиной нетерпеливо вздыхает Энди Брэгг.

– Ты бы, может, мини-гольфом обошелся, Винс, – сказал Энди.

Друзья бывают разных категорий, считал Винс. Друзья по гольфу, друзья по работе, школьные друзья, судовые (несколько лет назад он был в средиземноморском круизе с Венди, своей вот-вот уже бывшей женой), но друзей по-честному не сыскать днем с огнем. Энди и Томми – из разряда друзей по гольфу. Между собой-то нет – между собой они друзья по-честному. Много лет знакомы, не разлей вода – с ними Винс всякий раз будто в окно снаружи заглядывал. Откуда его исключали, так навскидку и не скажешь. Иногда ему казалось, дело не в том, что у Томми и Энди общий секрет, а в том, что они ему *внушали*, будто у них общий секрет. Мужчины вовсе не расстаются со стебом школьного двора –

¹³ Цитата из английской детской считалки «Rub-a-dub-dub».

они только изо дня в день становятся больше, чем были вчера. Во всяком случае, так считала жена Винса. Вот-вот уже бывшая.

– Винс, ты мячом играешь телепатически? – спросил Томми Холройд. – А то его надо клюшкой бить.

Томми – спортивный здоровяк за сорок. Со сломанным носом задиры, что, впрочем, ничуть его не портило – более того, с точки зрения женщин, ровно наоборот. Он слегка уже начал оплывать, но по-прежнему был из тех, кого предпочтешь на своей стороне, а не на стороне того, кто на тебя прет. «Растратил юность», – со смехом поведал Томми Винсу: школу бросил, работал вышибалой в северных клубах поплоче, тусовался с «паршивыми людьми». Винс однажды нечаянно подслушал, как Томми говорит про «защиту» – расплывчатый термин, который охватывал множество то ли грехов, то ли добродетелей.

– Да ты не парься, эти деньки позади, – с улыбкой сказал Томми, сообразив, что Винс все слышал.

Винс кротко поднял руки, точно сдаваясь, и ответил:

– А кто парится, Томми?

Томми Холройд гордился тем, что «сам себя создал». Но вроде все создают себя сами, по определению? Винс подозревал, что на этом фронте особо не преуспел.

Томми не только был вышибалой – еще он занимался любительским боксом. Драки у них в роду передавались, видимо, по наследству: отец Томми был профессиональ-

ным рестлером, известным «хилом», и один раз на ринге, в «Спа-Ройял-Холле» в Бридлингтоне, побил Джимми Сэвил¹⁴, чем его сын бахвалился.

– Папаша мой размолот педофила в труху, – рассказывал Томми Винсу. – А знал бы, кто он таков есть, вообще небось убил бы.

Винсу, которому мир рестлинга виделся загадочным и экзотичным, как двор китайского императора, слово «хил» пришлось гуглить. Злодей, антагонист, человек, который жульничает или всех презирает.

– Это в рестлинге такая роль, – объяснил Томми, – но папаше моему не приходилось даже особо играть. И так был сволочь первостатейная.

Винс сочувствовал Томми. Винсов отец был мягок, как мягкий эль пивоварни «Тетлиз», его любимого топлива.

История Томми стремительно взбиралась к вершине, от боксера к промоутеру, а сколотив капиталец на ринге, он обзавелся лицензией на грузовые перевозки, купил свой пер-

¹⁴ Сэр Джеймс Уилсон Винсент Сэвил (1926–2011) – английский теле- и радиоведущий, диджей; помимо прочего, работал на «Радио Люксембург», в 1960-х гг. вел на Би-би-си музыкальную программу «Самые популярные» (тж. «Топ-поп», *Top of the Pops*), а в 1975–1994 гг. – программу «Джим все устроит» (*Jim'll Fix It*), куда дети писали письма и рассказывали о своих желаниях, которые он выполнял. В 1950-х гг. полупрофессионально занимался спортом, в том числе рестлингом, и провел 107 боев. С 1990-х гг. периодически всплывали и расследовались слухи о его невоздержанном сексуальном поведении, а вскоре после его смерти выяснилось, что его жертвами могли стать до 450 женщин, в том числе несовершеннолетних.

вый грузовик, и с этого начался его автопарк «Грузоперевозки Холройда». Может, и не самый крупный парк седельных тягачей на севере, но, судя по образу жизни Томми, успешный просто на удивление. Томми напоказ сорил деньгами, располагал бассейном и второй женой, Кристал – по слухам, бывшей гламурной моделью.

Томми был не из тех, кто отвернется и пройдет мимо, если ты в беде, хотя какую цену придется потом уплатить – еще вопрос. Винсу Томми, впрочем, нравился – Томми был свойский и обладал *самостью*, иначе не скажешь, эдакой северной лихостью, о которой частенько мечтал и Винс, в себе как самолично созданном изделии ощущая явную ее нехватку. А Кристал была – вообще закачаешься. «Кукла Барби» – такой вердикт вынесла ей Венди. Поскольку прежнее доброжелательное равнодушие Венди к Винсу изошло на отвращение, «закачаешься», подозревал он, она понимала, как «вдарить Винсу электрошокером». А что он такого сделал? Да ничего!

Незадолго до того, как Винса познакомили с Томми, Лесли, первая жена Томми, погибла от ужасного несчастного случая. Упала со скалы, пытаясь спасти домашнего питомца, – Винс помнил, как читал об этом в «Газетт» («Трагически погибла супруга крупного бизнесмена с восточного побережья»), помнил, как еще сказал тогда Венди:

– Ты поосторожнее, когда со Светиком по скалам гуляешь.

Светик – это их собака, в те времена щенок.

– Ты за кого больше волнуешься – за меня или за собаку? – спросила Венди, а Винс сказал:

– Ну-у... – И теперь-то понятно, что это был неверный ответ.

Веселый Вдовец – так Энди называл Томми, и на того трагедия в самом деле произвела замечательно мало впечатления.

– Ну, Лес была, скажем так, слегка обузой, – объяснил Энди, крутя пальцем у виска, словно дырку в мозгу проворачивал. – С прибабахом.

Энди – он не сентиментальный. Напротив. К скамье поблизости от того места, где Лесли Холройд сверзилась с обрыва, тогда еще были прикручены сохлые цветы. Недоразвитый какой-то памятник.

– Винс, как слышишь, прием? – сказал Томми. – На тебе чайка сейчас гнездо совет, если с этой ти не сдвинешься.

– А в мини-гольфе у тебя какой гандикап, Винс? – засмеялся Энди: менять тему ему, видимо, пока не хотелось. – Там мельница сложная, лопасти эти хрен пройдешь. А чтобы ракету одолеть – это надо быть, конечно, профи. Ракета – вообще убиться можно, на ней вечно ломаешься.

Энди – он был не как Томми, не напоказ.

– М-да, он у нас тихоня, наш Эндрю, – усмехался Томми, обхватывая Энди за плечи и (очень) по-мужски обнимая. – За тихонями, Винс, нужен глаз да глаз.

– Отстань, – добродушно говорил Энди.

Я тихоня, думал Винс, за мной не нужен глаз да глаз. Энди был маленький и жилистый. Будь они зверями, из Томми получился бы медведь – и не безвредный плюшевый медведь, какими заваливала свою постель дочь Винса Эшли. Плюшевые медведи по-прежнему на месте – терпеливо ждут, когда загулявшая дочь вернется в страну после года путешествий. Нет, из Томми получился бы медведь, за которым нужен глаз да глаз, – белый, например, или гризли. Из Энди получился бы лис. Томми порой даже называл Энди «Хитрый». А из Винса кто? Олень, думал Винс. Замерший под фарами машины, которая вот-вот размажет его по дороге. За рулем, надо думать, Венди.

Они оба, интересно, хоть раз вообще *играли* в мини-гольф? Пока Эшли была маленькая, Винс проводил с ней многие часы – приятные (по большей части), – стойчески подбадривая, когда она снова и снова промахивалась мимо ти или настырно пробовала патт, снова и снова, а позади них росла очередь, и всякий раз, когда Винс показывал людям, что, мол, пусть идут вперед, Эшли взывала: «Па-а-а-ап». Эшли в детстве была упрямая. (Да нет, Винс не в обиде. Эшли он любил!)

Винс вздохнул. Пускай Томми с Энди смеются – чего ж не посмеяться, раз охота. Мужские подколки, раньше они и его веселили (более или менее) – и бахвальство это, и спесь. Павлины северные, все как на подбор. У мужиков это в ДНК

или в тестостероне, что-то такое, но Винс сейчас слишком депрессивен и не в силах подключиться к добродушным (по большей части) насмешкам и этому вечному «кто кого».

Томми на жизненном графике по-прежнему лезет вверх, а вот Винс явно катится под уклон. Дело движется к пятидесяти, а последние три месяца он живет в двухкомнатной квартирке на задах лавки, где торгуют рыбой с картошкой, и происходит это с того самого дня, когда Венди поутру повернулась к нему за столом – он поедал на завтрак мюсли, у него как раз случилось краткосрочное увлечение здоровьем, – и сказала:

– По-моему, хватит, Винс, не находишь? – и в изумлении он так и отвесил челюсть над своими «Ягодно-вишневыми» из «Теско».

Эшли со своим парнем-серфером только-только умотала кататься стопом по Юго-Восточной Азии. Насколько понимал Винс, «перерыв в образовании» – это затишье между выплатами за дорогую учебу в частной школе и выплатами за дорогую учебу в университете, временное финансовое послабление, которое все равно стоило ему дочериных авиабилетов и ежемесячных денег на расходы. Винсу в детстве внушили достойные нонконформистские добродетели – самодисциплину и самосовершенствование, – а вот Эшли (не говоря о ее парне-серфере) верила только в «само». (Да нет, Винс не в обиде. Эшли он любил!)

Едва Эшли встала на крыло (то есть села в самолет «Эми-

ратов» до Ханоя), Венди доложила Винсу, что их брак скончался. Еще труп остыть не успел, а она уже флиртовала в интернете, как крольчиха на спидах, предоставив Винсу чуть ли не каждый вечер трапезничать рыбой с картошкой и гадать, когда все пошло под откос. (Три года назад на Тенерифе, как выяснилось.)

– Я тебе принесла коробок из «Косткаттера», вещи сложить, – объявила Венди, а он непонимающе на нее тарацился. – Не забудь достать свои грязные шмотки из корзины в кладовой. Я тебе стирать больше не буду. Двадцать один год рабства. С меня довольно.

Вот, значит, каковы дивиденды с принесенных жертв. Вкальваешь с утра до ночи как ненормальный, наматываешь сотни миль в неделю на корпоративной машине, на себя времени толком не остается, и все ради того, чтобы твоя дочь делала бесконечные селфи в Ангкор-Вате, или где там ее носит, а твоя жена сообщила, что вот уже год гуляет с владельцем местного кафе, по совместительству членом команды спасения на водах, что, похоже, в ее глазах оправдывало адюльтер. («Крейг рискует жизнью каждый раз, когда откликается на СОС. А ты, Винс?» Да, по-своему и он тоже.) Все это оттяпывало от души по кусочку – тяп-тяп-тяп.

Венди любила строгать и стричь, срезать и срубить. Летом она почти каждый вечер выволакивала на лужайку «Флаймо» – за многие годы провела с газонокосилкой больше времени, чем с Винсом. И вполне могла бы отрастить вместо

рук секаторы. У нее вообще были диковатые хобби – помимо прочего, она выращивала бонсай (мешала ему расти, про себя уточнял Винс) – жестокое занятие, приводило на ум истории про китайнок, которые себе ноги бинтовали. И вот так же она теперь поступала с Винсом – оттяпывала по кусочку от его души, подстригала, чтобы Винс получился карликовый.

Он еле тащился по жизни ради жены и дочери, они даже не догадывались, какого героизма это ему стоило, – и вот благодарность. Вряд ли случайно, что слово «тащиться» созвучно слову «тощища». Винс думал, тащишься-тащишься – и в конце дотащишься до цели, но обнаружилось, что в конце ничего нет – надо тащиться дальше.

– Опять ты? – всякий раз говорила ему веселая суматошная тетка за прилавком рыбно-картошечной лавки; Винс бы, наверное, мог дотянуться до лавки из дальнего окна своей квартирки и сам достать себе рыбу из фритюрницы.

– Опять я, ага, – неизменно отвечал он – бодро, словно и сам удивлялся.

Как в том фильме, в «Дне сурка», только Винс ничему не учился (поскольку, что уж врать-то, учиться тут нечему) и никогда ничего не менялось.

Жаловался он? Нет, он не жаловался. Более того, таков был рефрен всей его взрослой жизни. «Не жалуюсь». Британский стоик до мозга костей. Грех роптать. Он прямо как из старого ситкома. Теперь восполнял недостачу, пусть и

только наедине с собой, – по-прежнему считал, что надо сохранять хорошую мину, иначе невежливо. «Если не можешь сказать ничего хорошего, – наставляла его мать, – лучше вообще ничего не говори».

– Того и другого, пожалуйста, – говорил он тетке в рыбо-картошечной лавке. Что может быть презреннее почти уже разведенного мужчины средних лет, который покупает рыбу к ужину в одно лицо?

– Ошметков надо? – спрашивала тетка.

– Если есть, будьте добры. Спасибо, – отвечал он, про себя морщась. Да, думал он, пока тетка сгребала хрустящие крошки теста в тарелку, ирония вопроса от меня не ускользает. Вот и все, что осталось от моей жизни. Ошметки.

– Еще? – спрашивала тетка, не опуская черпака, изготовившись к щедрости. Доброта незнакомцев.

Надо бы спросить, как ее зовут, думал Винс. Ее он видел чаще, чем всех прочих людей.

– Нет, спасибо. Сойдет.

«Сойдетитак» назывался их дом – шуточка, теперь-то кажется глупостью, но некогда они и семьей были шутейной. Их ячейка общества работала вовсю – барбекю в саду за домом, выпивки с друзьями, аттракционы в парке «Олтон-тау-эрс», каникулы за границей на четырехзвездочных курортах, круиз-другой. Сравнить с прочими людьми – не жизнь, а мечта. Мечта середнячка средних лет и среднего класса.

Каждые выходные они ехали в «Теско», нагружали ба-

гажник покупками, никогда не скупилась на занятия Эшли – танцы, верховую езду, дни рождения, теннис. (Школьные лыжные походы. Да только на них нужно дом перезакладывать!) И Винс кучу времени потратил, возя Эшли на «ночевки к подругам» и «в гости». Эшли обходилась недешево. (Да нет, Винс не в обиде. Эшли он любил!)

А уроки вождения? Часами, даже днями, которые никто ему не вернет, Винс учил жену и дочь водить. Торчал на пассажирском сиденье собственной машины, а за рулем одна либо другая, и обе не различают не то что лево и право, но даже вперед и назад. А потом вдруг Эшли сидит в тук-туке, а у Венди «хонда» с наклейкой Партии независимости Соединенного Королевства на задку, и в этой «хонде» она рассекает в поисках нового Мистера Идеала, потому что Винс вдруг обернулся Мистером Не То. Спасателя Крейга, судя по всему, сбросили за борт, променяв на шведский стол тиндера. По словам жены, Винс мог бы блистать в собственной серии «Мистеров Мужчин»¹⁵ – «Мистер Скука», «Мистер Толстый», «Мистер Устал». И она еще подлила масла в огонь, вновь взяв девичью фамилию, точно Винса надлежит вычеркнуть из бытия начисто.

– Сойдетитак, – фыркнул он себе под нос.

Но так, как теперь, не сойдет, – теперь даже Светик дер-

¹⁵ «Мистеры Мужчины» (*Mr. Men*, с 1971 г.) – серия детских книг, начатая английским писателем Роджером Харгривсом и в 1988 г. продолженная его сыном Адамом Харгривсом: в каждой книжке серии фигурирует свой центральный персонаж с какой-нибудь ярко выраженной чертой характера.

жал Винса за чужака. Светик был ищейкой неопределенной породы и в альфа-самцы назначил себе Венди, хотя Винс обожал его непомерно, обычно сам водил гулять, и убирал за ним говно, и давал ему дорогой собачий корм, который, если вдуматься, будет получше консервированного жаркого под брендом супермаркета, которое Винсу приходилось покупать в те дни, когда он не ужинал рыбой с картошкой. Проще, наверное, перейти на собачий корм – хуже-то не будет. По собаке Винс скучал сильнее, чем по Венди. Вообще-то, к своему удивлению, по Венди он почти и не скучал – только по домашнему уюту, от которого она его отлучила. Мужчина, лишенный домашнего уюта, – прискорбная и одинокая скотина, а больше никто.

Винс познакомился с Венди на свадьбе у одного армейского друга на юге, когда еще служил в Королевском корпусе связи. У Винса был балканский загар и новенькие сержантские лычки, а Венди хихикала: «Ой, обожаю мужчин в мундирах», – и два года спустя они очутились на собственной свадьбе, а Винс вышел на гражданку, занялся телекомом – сначала был инженером, рулил ИТ, а десять лет назад перебрался в костюмно-галстучные пределы бизнеса и стал менеджером. Сейчас он думал про спасателя Крейга и гадал: может, Венди всю дорогу нравился мундир, а не Винс в мундире.

– Мама не советовала за тебя выходить, – рассмеялась Венди, когда они, измученные и пьяные, содрали с себя сва-

дебные наряды в номере отеля, где состоялся свадебный прием, – бесцветного заведения на окраине ее родного Кройдона.

Столь обольстительная прелюдия их первой ночи в браке ничего хорошего не сулила. Мать Венди, стервозная праздная вдова, из-за выбора дочери завывала и скрежетала зубами несоразмерно. Восседала на передней скамье в безобразной шляпке – и такое горе во всем облике, будто на похороны явилась. В последующие годы изо всех сил добивалась титула «Самая придирчивая теща на земле».

– Да, у них там конкуренция будь здоров, – сказал Томми, хотя он-то умудрился прожить в двух браках без малейшей тещи на горизонте.

Винсу невероятно полегчало, когда мать Венди умерла пару лет назад от затяжного рака, в глазах дочери преобразившего ее в мученицу.

– Дура я, дура, что ж я не послушала мою бедную мамочку, – сказала Венди, перечисляя пожитки, которые Винсу позволялось взять с собой. Венди, которая после развода получит столько, что Винсу едва хватит на взносы в гольф-клуб.

– Больше ничего не выжать, Винс, – грустно покачал головой Стив Меллорс. – Семейное право – это ж минное поле.

Стив заправлял разводом Винса бесплатно, по дружбе, и Винс был ему за это премного благодарен. Стив работал юристом по корпоративному праву в Лидсе и обычно «раз-

водами не промышлял». Да и я, думал Винс, да и я.

Со Стивом Меллорсом у Винса было общее прошлое – оба они учились в одной школе в Дьюсбери, на родине жесткой переработанной шерсти под названием «шодди». Последующая жизнь, считал Винс, повернулась сообразно качеству производимого в родном городе убогого материала. После школы их со Стивом пути разошлись под замечательно резким углом. Путь Стива привел его в Лидс к юриспруденции, а Винс направился напрямиком в армию – по завету отца «получить пристойную профессию». Отец его владел сантехнической компанией, сам и *был* этой компанией, даже в ученики себе никого никогда не брал. Отец был славный человек, кроткий, ни разу не повысил голоса ни на Винса, ни на его мать, по пятницам делал ставки на футбол, а по субботам приносил домой коробку пирожных из пекарни по соседству со своей мастерской. Бисквитные с кремом и джемом и еще лимонные. Не роптал никогда. Это у них в генах.

Наследовать сантехническое дело отец сына не поощрял: «Полжизни проведешь по локоть в чужом говне, сынок». И Винс в самом деле обзавелся профессией – Корпус связи для этого самое оно. В пекло его отправляли редко. Ольстер, Залив, Босния – Винс сидел за линией фронта, в тыловом обеспечении, возился с оборудованием или реанимировал загнувшийся софт. На передовой и под огнем он очутился только при последнем развертывании войск в Косово. Попробовал боевое столкновение на вкус, и ему не понрави-

лось. И последствия войны не понравились – женщины, дети, даже собаки, составлявшие «сопутствующий урон». После Косово он решил выметаться из армии. И, в отличие от многих других, ни единожды не пожалел.

Стив Меллорс всегда был популярным умником. Винсу хватало тусоваться при нем, чтоб ему тоже перепало этой ауры самоуверенности. Стив был Холмсом, Винс – Уотсоном, Стив был Хиллари, Винс – Тенцингом¹⁶. В бестиарии Винса Стив тех времен был бы молодым львом.

После школы они вместе катили на великах вдоль канала, дурачились много, и в один прекрасный день Стив наскочил на кочку, кубарем перелетел через руль, грохнулся головой о грунтовую тропу и кувырнулся в канал. И ушел под воду. «Раз – и нету», – позднее говорил Винс, пересказывая эту историю и старательно изображая Томми Купера¹⁷. Винс в классе был за шута. Сейчас даже и не верится.

Винс подождал – вот-вот Стив всплывет, выберется на берег, он же хорошо плавает, – но нет, только редкие пузырьки поднимались на поверхность, словно там рыба, а не человек.

Винс прыгнул в канал и выволок Стива. Свалил на берег, и спустя пару секунд у Стива изо рта вылилось полканала, а потом Стив сел и сказал:

¹⁶ Новозеландский альпинист сэр Эдмунд Персиваль Хиллари (1919–2008) и непальский альпинист Тенцинг Норгей (1914–1986) 29 мая 1953 г. стали первыми людьми, которые поднялись на вершину Эвереста.

¹⁷ Томас Фредерик Купер (1921–1984) – британский комик и фокусник; «Раз – и нету» («Just like that») – одна из его коронных фраз.

– Бля.

На лбу у него красовалась шишка размером с утиное яйцо – это он так долбанулся, что аж сознание потерял, – но в остальном Стив вроде отделался легким испугом.

Винс тогда не считал, будто проявил какой-то особый героизм, – в городском бассейне их учили спасать тонущих, что ему – стоять столбом и смотреть, как друг тонет? Эта история их спаяла (такое бывает, когда спасаешь чью-то жизнь), и все эти годы они поддерживали связь – вскользь, в основном изредка обменивались открытками на Рождество. Оба, каждый по-своему, умели хранить верность – что, насколько понимал Винс, не всегда плюс. Вот он был верен Венди, верен Светику. А они ему в ответ были верны? Нет, не были. И, как ни печально, не приходилось сомневаться, что при разводе Эшли встанет на сторону матери. Обе они – одного поля ягоды.

Со Стивом во плоти Винс повстречался вновь несколько лет назад, на сборе школьных выпускников – кошмарном мероприятии, которое утвердило Венди в мысли, что мужчины не растут, а только увеличиваются. И лысеют. И толстеют. Чего, впрочем, не скажешь о Стиве – тот выглядел безупречно, словно ежеутренне за собой ухаживает: это вам не второсортное переработанное убожество «шодди».

– Что, прячешь свой портрет на чердаке?¹⁸ – спросил его

¹⁸ По примеру Дориана Грея: главный герой романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» (*The Picture of Dorian Gray*, 1890) хранил на чердаке портрет,

кто-то на сборе выпускников.

Стив посмеялся («Теннис и любовь хорошей женщины»), но Винс заметил, что комплимент Стиву польстил. Девушки и деньги, рассудил Винс, – двойная мишень, в которую Стив целил всю жизнь и, похоже, дважды попал в яблочко.

Стив нынче преобразился в Стивена, хотя Винсу сложно было так его называть. Это Стив познакомил его со «своими добрыми друзьями» Томми и Энди. Странное трио – лев, медведь и лис, как из басен Эзопа. В Винсовой системе дружб Томми, Энди и Стив получались друзьями по-честному. Вскоре он, правда, разглядел, что у них своя иерархия. Стив свысока взирал на Томми, потому что у Стива лучше образование. Томми свысока взирал на Энди, потому что у Томми роскошная жена, а Энди свысока взирал на Винса, потому что... ну, потому что Винс – это Винс. Винсу не на кого было взирать свысока. На себя разве что.

– Энди и Томми живут в твоих краях, – сказал Стив. – Ты с ними подружись. Они тебе могут пригодиться. (Для чего? Винс не понял.)

И это Стив привел его в гольф-клуб «Бельведер».

В Винсовой сложной системе дружб Стив был школьным другом, а не другом по-честному: слишком много времени прошло, слишком много событий не прожито вместе.

– Старый школьный закадыка, – сказал Стив, заехав (довольно сильно) Винсу по спине, когда знакомил с Томми

который зримо старел вместо него.

и Энди. Отчего Винс на миг почувствовал себя молодым, а потом старым. – Этот парень спас мне жизнь, – сообщил им Стив. – То есть буквально. Я ему, можно сказать, всем обязан.

– Да сто лет уже прошло, – сказал Винс, скромно плясая себе под ноги.

В Дьюсбери слова «закадыка» вроде бы не употребляли. Да и в Уэст-Йоркшире вряд ли. Слово уместнее на спортивных площадках Итона, чем в северной столице убогой переработанной шерсти.

Стив теперь жил в старом фермерском доме под Молтоном с обаятельной утонченной женой Софи, крепким сыном-подростком, регбистом Джейми, и весьма угрюмой дочерью Идой, помешанной на пони.

– Принцесса Ида, – смеялась Софи, словно это у них какая-то семейная шутка. – Опера Гилберта и Салливана¹⁹, – пояснила она, поймав пустой взгляд Венди.

(– Высокомерная корова, – высказалась та позднее в ходе вечернего разбора полетов.)

Их пригласили на ужин, Винса и Венди, но вечер на четверых прошел слегка неловко, и Венди смотрела волком, потому что Винс в жизни преуспел меньше, чем его старый «за-

¹⁹ Имеется в виду викторианская комическая опера композитора Артура Салливана (1842–1900) и либреттиста У. С. Гилберта (1836–1911) «Принцесса Ида» (*Princess Ida; or, Castle Adamant*, 1884) по мотивам поэмы английского поэта Альфреда, лорда Теннисона «Принцесса» (*The Princess*, 1847); в обоих произведениях высмеиваются феминизм и женское образование.

кадыка».

– Выпендриваются, я считаю, – сказала Венди. И провела инвентаризацию: – Серебряные приборы, хрустальные бокалы, дамастовая скатерть. Я-то думала, будет простой кухонный ужин.

О чем она? подумал Винс. В газетном приложении прочла? Он и сам слегка удивился, что Стив так красиво живет, но едва ли станешь упрекать человека за то, что добился успеха.

Они забыли подарок и явились с сиюминутной бутылкой вина и букетом с попавшейся по дороге бензоколонки, а также в спешке выбранной коробкой конфет «Афтер эйт».

(– Какая прелесть, – пробормотала Софи.)

У Винса и Венди была серо-полосатая кошка Софи – завели котенком еще до рождения Эшли. Кошка умерла пару лет назад, и Винс все еще скучал по ее нетребовательному обществу. Всякий раз, когда Стив упоминал жену, Винс вспоминал эту кошку, хотя животное и стройную супругу Стива объединяло только имя – и еще, может, слабость к пестрым расцветкам. До свадьбы Софи была крупным бухгалтером «в „Делойтте“», но ушла с работы, чтобы посвятить себя семье.

– Это же все-таки тоже полный рабочий день, согласитесь? – сказала она.

– И не говорите, – ответила Венди.

Задним числом Винс понимал, что жена унаследовала от своей матери склонность к мученичеству.

Он корил себя за то, что не привез вина получше, но затем его отпустило: переливая вино в графин, Стив расхваливал «Поммар две тысячи одиннадцатого», хотя Винсу-то казалось, что на вкус оно – как любое красное, которое можно цапнуть с полки в «Теско».

– И эта, *Софи*, – презрительно молвила потом Венди (женская солидарность ей чужда), – была в «Дрис Ван Нотен», а я себе могу позволить только «Автограф» из «Маркса и Спенсера».

Подробностей этой фразы Винс не понял, но общий смысл уловил. Не «только это и может себе позволить Венди», а «только это и сделал для нее Винс».

Они без особой охоты ответили приглашением к себе. Венди состряпала что-то сложносочиненное из ягнятины и десерт еще сложнее. В «Сойдетитак» была тесная столовая, которую использовали по назначению только в праздники, – обычно стол «Эркол» был завален бумагами Винса (с этим покончено!), которые потребовалось убрать. Венди необычайно психовала из-за цветов, и «столовых свечей», и тканых салфеток, и Винсу пришлось искать все это по пути в «нормальный» винный магазин.

В итоге, вынес вердикт Винс, вечер прошел довольно приятно. Софи прибыла с розами «из сада», а Стив сжимал в руке бутылку «Дом Периньона», уже охлажденного, и в беседе они избежали политики и религии (хотя кто в наше время говорит о религии?), а когда на миг поднял свою урод-

ливую голову брекзит, Винсу удалось по-быстрому его прихлопнуть.

Сейчас Винс постарался сосредоточиться. *Будь мячом.* Он замахнулся и попал в землю.

– Винс, не тормози! – заорал Энди Брэгг, когда они повезли свои тележки по грину. – Восемнадцатая близко, последний платит.

День стоял прекрасный. Винс старался это ценить даже сквозь тучей объявшее его уныние. Отсюда, с вершины скалы, виден был весь город, и замок на утесе, и размах Северного залива. Синее небо раскинулось докуда хватает глаз.

– Аж приятно, что живой, – сказал Томми Холройд, примериваясь к мячу. Гольфист он был хороший, сейчас у него три удара ниже пара²⁰. *Хтык-к!*

– Отличный удар, – великодушно сказал Винс.

²⁰ В гольфе на лунках с пар не менее 5 (то есть для прохождения лунки требуется не менее пяти ударов) количество ударов на три ниже пара называется «альбатрос».

И сластей всевозможных²¹

Кристал тихой сапой курила сигарету в оранжерее. У Карри в детском саду была благотворительная распродажа выпечки – там такое каждый месяц. На выручку оплачивали экскурсии и аренду зала при церкви. Все что-то испекли, кроме Кристал, которая усомнилась, что прочие мамочки оценят ее «веганский глазированный торт из цуккини» или «безглютеновые кексы из пастернака», – Кристал была рьяной неофиткой «здорового чистого питания». Восполняя свои мнимые недоработки, она скупала тонны чужих тошнотворных подношений, а дома сваливала их в мусорный бак или разрешала Карри скормить это все уткам. Перед утками Кристал было стыдно – уткам положено питаться прудовыми водорослями, или чем там питаются утки.

Сегодня она притащила домой овсяный пирог с кукурузным сиропом, бисквитный торт «Виктория» и нечто с биркой «кекс кроль». Кристал терялась в догадках, что это может быть. «Кроль» – слово-то такое вообще есть, помимо плаванья? Надо спросить пасынка, Гарри. Что бы там ни было внутри, снаружи выглядело, тля, чудовищно. После рождения Карри Кристал изо всех сил старалась не материться.

²¹ Цитата из английской детской песенки «Из чего только сделаны мальчишки» («What Are Little Boys Made Of?»); здесь и далее цитируется в переводе С. Маршака.

Онлайн нашлась куча идиотских эвфемизмов. Елки, твою мышь, эпический, копать, чудак. Вместо слова на «п» – звезда. Да, Кристал заходит на «Мамзнет», бля. На «Мамзнет», тля. Видали? Перевоспитываться – тяжелый труд. Как выясняется, выдернуть девчонку из Халла – это запросто, а вот вытравить Халл из женщины – фиг его еще вытравишь.

Томми считал, что матерщина и курение – это не «по-дамски», хотя все, что Томми знал про дам, можно записать на почтовой марке. Если хотел даму, надо было присмотреть ее себе на чаепитии с танцами, или на собрании Женского института, или где дамы водятся, а не в маникюрном баре на хворых задворках приморского городка.

До того как Кристал стала миссис Томас Холройд, ей пришлось когтями процарапывать себе путь наверх, шагком за шагком, и она достигла головокружительных высот, став маникюрщицей. Управляла маникюрным баром «Ноготок» вместо владельца, который туда носа не казал. Каждую неделю заходил неприветливый громила по имени Джейсон и, в противоположность тому, что обычно происходит в нормальном бизнесе, не собирал дань, а приносил. Не очень, что называется, разговорчивый чувак. Кристал не дура, она понимала, что маникюрный бар – просто фасад. А какой маникюрный бар или солярий – не фасад? Но Кристал языком не болтала, устроила все на загляденье, хотя большой вопрос, конечно, отчего налоговая не интересовалась, как это Кристал ворочает такими деньжищами. И больше в баре нико-

го не было – одна Кристал, в отличие от других заведений – никаких малолетних вьетнамских рабынь, прикованных к пилке и лаку.

– Толку мало, а геморроя много, – сказал Джейсон: видимо, он разбирался в таких вещах.

На работу Кристал надевала белую форму без единого пятнышка – блузка и брюки, а не костюм сексуальной медсестры, как на девичники, – и бар свой держала в чистоте, все равно что операционную. Дело свое делала хорошо – акрил, гели, шеллак, нейл-арт – и гордилась тем, что уделяет работе много внимания, хотя клиенты заглядывали редко. Маникюр – первое занятие в жизни Кристал, которое не требовало так или иначе торговать телом. Замужество – тоже, конечно, финансовая транзакция, но Кристал рассуждала так: можно ритмично ерзать на коленках у жирного потного посетителя так называемого «джентльменского клуба», а можно встречать Томми Холройда клевком в щеку, вешать его куртку на крючок и выставлять ему ужин на стол. Все это – занятия одного спектра, считала Кристал – и знала, какие частоты на этом спектре предпочитает. А если цитировать Тину Тёрнер, при чем тут любовь?²² Да ни при чем, елки.

Выходить замуж из-за денег не стыдно – деньги означают безопасность. Женщины так поступали с начала времен.

²² Имеется в виду песня Терри Бриттена и Грэйма Лайла «What's Love Got to Do With It», записанная американской певицей Тиной Тёрнер (Анна Мэй Буллок, р. 1939) для ее альбома «Private Dancer» (1984).

Это показывают по телику в любой программе о природе: построй мне гнездо лучше всех, станций для меня круче всех, принеси мне ракушек и блестяшек. И Томми их уговором более чем доволен: Кристал ему стряпала, Кристал с ним спала, Кристал занималась хозяйством. А взамен просыпалась каждое утро, чувствуя, что еще на шаг удалилась от прежней себя. Историю, по мнению Кристал, надлежит оставлять в прошлом – там истории самое место.

И ракушек с блестяшками у нее завалились – гигантский гардероб одежды, алмазный браслет и к нему кулон, золотые часы «картье» (Томми подарил на первую годовщину свадьбы, с гравировкой «От Томми с любовью»), навороченный белый «ренджровер-эвок», черная карточка «Америкэн экспресс», ребенок Каррина, Карри, которую Кристал обожала. Свои активы она ранжировала в другом порядке. На первом месте ребенок. Навсегда и на веки вечные. Кристал убьет того, кто коснется хоть волоска на голове Карри.

С Томми Кристал познакомилась, когда он однажды под вечер явился к ней в салон. День стоял бурный и влажный, снаружи бушевал восьмибалльный ураган, и обаятельно растрепанный Томми сказал:

– Сделаешь маникюр по-быстрому, кис?

Он собирался на встречу, но нельзя же явиться, когда у тебя руки «все в масле и дряни». Ему, оказывается, пришлось менять «колесо такое, что трындец» на стоянке по пути из Каслфорда.

Томми оказался на удивление болтлив, и Кристал тоже, хотя у нее-то это профессиональное («Какие планы на лето? Поедете куда-нибудь?»), и одно потянуло за собой другое. Как водится. И вот теперь она давит предательский окурок в горшке привлекательной монстеры – ничуть не привлекательного куста, который прет и прет, – и гадает, докрутила ли стиральная машина рубашки Томми.

Лесли, его первая жена, курила, и он говорил, что запах сигарет напоминает о ней. Не уточнял, хорошо это или плохо, но, пожалуй, в любом случае не стоит при нем пачкой «Мальборо лайтс» вызывать призрак первой миссис Томас Холройд.

– Лес – она у нас была слегонца ушибленная, – говорил Томми.

Если вспомнить, что с Лес произошло, было бы смешно, если б не было так ужасно. Несчастный случай (надеялась Кристал), но жизнь есть жизнь: фиг предугадаешь, когда поскользнешься, и оступишься, и сверзишься с обрыва. Кристал нынче ступала крайне осторожно.

Кристал реяла в районе тридцати девяти лет, и наматывать эти круги стоило немалых трудов. Вся она была сооружением из искусственных материалов – акриловые ногти, силиконовые груди, полимерные ресницы. Облик киборга по имени Кристал завершали постоянно обновляемый искусственный заггар и накладка в собственных обесцвеченных во-

лосах. Накладка – проще, чем наращивать, а Томми без разницы. Волосы в накладке настоящие – Кристал понятия не имела чьи. Боялась, что вдруг они с трупа, но ее парикмахерша сказала:

– Не, это из храма в Индии. Женщины сбывают, религиозный обряд какой-то, а потом монахи продают.

А прежде чем упаковать и послать на продажу, эти волосы благословили? Освященные волосы. Хорошо бы. Может, и Кристал чуток святости перепадет.

Она так и не поняла, откуда взялась эта тема с «гламурной моделью», – может, в корчах жениховства сама и обронила. «Только топлес», – говорил Томми, рассказывая об этом людям – он любил рассказывать людям, лучше бы рассказывал пореже. Кристал и впрямь снималась, были фотографии и фильмы тоже на первых порах, но гламурного в них было всего ничего, скорее даже наоборот. И разоблачалась она не только сверху.

«Прошмандовка», – сказал кто-то у них на свадьбе, а Кристал услышала. Ее не парило, Томми она такой и нравилась, и вдобавок в свое время ее обзывали и похуже. Скажем прямо, после того, что было, «прошмандовка» – повышение по службе. И однако поневоле спросишь себя, когда же поползут трещины.

Были и плюсы: Томми любил Карри, в качестве бонуса обладал жизнерадостной натурой, не говоря уж о том, что красавец был писанный. Женщинам он нравился, а Кристал, хотя

к мужским чарам оставалась равнодушна – такая уж у нее биография, – притворяться умела, так что один черт. И дом у них, «Горняя гавань», был потрясающий. Томми купил его после свадьбы и переделал от и до, все строители работали вчерную, а оформление интерьера Томми предоставил Кристал, и она как будто играла в кукольный дом, которого у нее не было в детстве. Громадная кухня, домашний бассейн, при каждой спальне ванная. Бассейн предназначался только Кристал и детям, Томми плавать не умел, хотя даже Кристал считала, что бассейн немножко чересчур – в римском стиле, с мозаичным золотым дельфином посередине и парой псевдоклассических статуй, которыми Томми разжился в местном центре «Садовод».

Плавать Кристал обожала – обожала, как движешься сквозь воду, а она будто все с тебя смывает. Кристал один раз крестили – с полным погружением – по настоянию одного знакомого священника-баптиста.

– Смой свои грехи, – сказал он, а она подумала: «На себя посмотри». Нет! Это воспоминание воскрешать ни к чему, большое спасибо.

Бассейн заложили в подвале, там свет искусственный, но вообще в «Горней гавани» повсюду были громадные окна и все выкрашено белым – словно живешь в огромной шкатулке света. Чисто и бело. Кристал верила в чистоту – вот ее религия, а не всякая ерунда, что, мол, Бог то и се. И нет, спасибо, психиатр не требуется – Кристал и без психиатра понима-

ет, что каждой каплей «Доместоса» и каждым взмахом пропитанной «Деттолом» тряпки она дезинфицирует прошлое.

Дом стоял в конце долгой подъездной дороги, примостился высоко на утесе – отсюда и название. Зимой его трепала непогода – зато вид на море сногшибательный. Жизнью в таком доме не рискнешь ни за что.

От утренней встречи с детсадовскими мамочками в «Косте» она уклонилась. Порой такие штуки – тяжкий труд. Понятно, что для остальных мамочек Кристал – эдакая диковина (трофейная жена, гламурная модель и все такое), вроде фламинго в курятнике. Все сидят на «Мамзнет». Что тут еще скажешь? Кристал терпела детский сад только ради Карри – и это не говоря про «Бейби-балет», и гимнастику в «Джимини», и плавание в «Тёртл тотс», и музыку в «Джо-джинглз» – расписание забито под завязку, Кристал еле успевала на свои боевые искусства. Пару лет назад записалась на вин-чун только потому, что секция была в местном досуговом центре и при ней была малышова комната. По названию – как будто это заказывают в китайском ресторане. Но нет. Оказалось, там про равновесие, и твердость, и поиск силы, внутренней и внешней. Кристал понравилось. Силу в себе она умела находить просто на диво.

Важно, чтобы Карри дружила со сверстниками, и была среди них своей, и не выросла паршивой овцой. Фламинго в курятнике. Кристал старалась подарить дочери детство, ко-

торого ее саму лишили. Несколько недель назад Гарри спросил, мол, а ты как жила, когда была маленькая, и Кристал ответила:

– Ой, ну знаешь, аттракционы и мороженое всю дорогу.

Что не совсем, конечно, вранье. Гарри шестнадцать – он сын Томми от злополучного первого брака. Смешной пацан, для своих лет слишком юный, но и слишком взрослый. Немножко чудик, но Кристал к нему привязалась. Совсем не похож на отца, что, пожалуй, и хорошо.

Вместо «Косты» Кристал и Карри пошли на качели. На качелях Карри готова была сидеть часами. Кристал понимала – у нее такая же история с плаванием. Туда и сюда, туда и сюда, сплошное движение, и больше ничего. Успокаивает. И еще водить машину. Если б можно было, Кристал ездила бы с утра до ночи – ее даже пробки и дорожные работы не смущали. Томми, проявив удивительное терпение, научил ее еще до свадьбы. Оказалось, за рулем Кристал как рыба в воде. Каково, думала она, жить где-нибудь в Техасе или Аризоне – и впереди лишь пустой горизонт, и под колесами бездумно прокручиваются миля за милей, и позади тебя все медленно стирается?

Когда они вернулись в машину, Кристал сказала Карри:

– Золотце, ты только не засыпай, ты же днем не уснешь, – хотя помешать маленькому ребенку закемарить в теплой машине более или менее невозможно.

Кристал выдала Карри розовый портативный DVD-пле-

ер, такие же наушники и диск с «Холодным сердцем». Сегодня Карри вполне уместно нарядилась Эльзой²³. В боковое зеркальце Кристал увидела позади машину. Серебристый «БМВ 3». В тачках Кристал секла.

И почти не сомневалась, что эту же самую тачку видела вчера, когда подвозила Гарри в «Мир Трансильвании». И эта же тачка ползла следом за Кристал на выезде со стоянки «Сейнсбери». А потом *опять*, ближе к вечеру, когда Кристал ездила за вещами в химчистку. Что-то эта тачка зачастила – вряд ли совпадение, правда же? Кто-то таскается за Кристал? Следит? Или паранойя разыгралась? Может, Кристал сходит с ума. Ее мать допилась до сумасшествия, оставив Кристал в лапах так называемого «детского дома». Если с тобой в десять лет приключается такое, больше уже ничему не удивляешься.

Карри на заднем сиденье «эвока» потерялась в собственном мире – махала головой в такт и во все горло немзыкально распевала, вероятно, «Хочешь, слепим снеговика?», но музыки не слышно, так что возможны варианты.

Кристал взгляделась в зеркало заднего вида – номер-то у

²³ «Холодное сердце» (*Frozen*, 2013) – полнометражный музыкальный мультфильм студии *Walt Disney Pictures*, вдохновленный «Снежной королевой» Ганса Христиана Андерсена. Эльза – одна из двух главных героинь мультфильма, которой не всегда удается совладать со своим даром управлять снегом и льдом, и поэтому она предпочитает не сближаться с людьми. Ниже упоминается песня Кристен Андерсон-Лопес и Роберта Лопеса «Хочешь, слепим снеговика?» («Do You Want to Build a Snowman?»), которую в мультфильме поет Анна, младшая сестра Эльзы.

этого «БМВ» какой? – и сощурилась, потому что солнечных очков в недрах бардачка не откопала. «Шанель», с диоптриями. Зрение у Кристал было никудышное, но нормальные очки она не надевала почти никогда, они ей не шли (развратная библиотекаря), а оптометрист сказал, что линзы нельзя, у нее «сухие глаза». Выплакала в детстве, наверно. Осушила колодец.

Кристал разобрала «Т», «Х» и еще «б» – все равно что проверять зрение у оптометриста, только задом наперед и на ходу. Окна у «БМВ» зачернены, и в целом от него веет жутью. Ее преследуют? Почему? Томми кого-то нанял ее пасти? Частного детектива? Но с чего бы? Она не давала Томми поводов для подозрений и ни за что не даст. Он никогда не спрашивал, где она была и что делала, но это, пожалуй, не значит, что ему неинтересно. На ум пришли Генрих Восьмой и Анна Болейн. Как-то так вышло, что в голове у Кристал осели только те осколки истории, в которых женщинам рубили головы, – Мария Стюарт, Мария-Антуанетта.

– И леди Джейн Грей не забудь, – сказал Гарри. – Королева девяти дней, так ее называли.

Нам про Тюдоров рассказывали в школе, покаянно прибавил он. Вблизи общего невежества Кристал он старался своей эрудицией не щеголять. Кристал не парило – она от Гарри многому научилась. Его мать Лесли тоже, по словам Томми, «потеряла голову». «После ребенка». Была еще мертворожденная девочка, сестра Гарри. Гарри не помнит. Томми лю-

бил Каррину – свою «принцессу». Рождение Карри обеспечило Кристал титул королевы «Горней гавани», сказал Гарри.

– Ты как персонаж в «Игре престолов», – добавил он.

Этот сериал они вместе не смотрели. На вкус Кристал, он был слишком реалистичный.

Больше она не успела разобрать ничего – «БМВ» вдруг свернул влево и потерялся.

Не Томми, решила она. Нанимать частных детективов – не в его духе. Он бы атаковал в лоб. («Что за хуйня, Кристал?») Что-то пострашнее подозрительного Томми? *Кто-то* пострашнее Томми? Таких пруд пруди, но они же все в прошлом. Нет? Тут Кристал резко дала по тормозам – ей под колеса безмятежно выступила кошка. Карри взвизгнула то ли от восторга, то ли от испуга. Стянула наушники – в них по-прежнему металлически дребезжала музыка.

– Мамуль? – спросила Карри, тревожно скривив личико.

– Извини, – сказала Кристал; сердце колотилось бешено. –

Прости, золотце.

Дома Кристал накормила Карри обедом – цельнозерновой тост с миндальным маслом и бананом – и уложила спать.

Постучалась к Гарри, – может, он тоже чего-нибудь хочет. Гарри вечно сидел, уткнувшись в книгу, или рисовал комиксы.

– У него художественная натура, – сказала Кристал Том-

ми, а тот сказал:

– А что, это до сих пор так называется?

Детей не выбираешь – берешь, что дают, ответила она. У Томми чувства юмора не было, а вот у Гарри было, и он вечно сыпал дурацкими анекдотами.

(– Почему сыр отменил встречу с ножом?

– Не знаю, – подыгрывала Кристал, – почему сыр отменил встречу с ножом?

– Потому что нож не хочет с ним перетереть!)

Отчего-то почти все анекдоты у Гарри были про сыр.

Кристал постучала, но ответа не последовало. Ушел, наверное. Гарри вечно был занят – либо читал и рисовал, либо работал в вампирском заведении. А в этом году еще и в театре. Карманных Томми ему почти не давал, считал, что Гарри должен «научиться стоять на своих двоих», но Кристал порой совала пасынку двадцатку. Ну а что? Он хороший парень, и вдобавок бедняжка потерял мать, как его не пожалеть?

– Я тоже потеряла маму, – сказала ему Кристал, но не уточнила, что ее-то мать, может, еще жива, кто ее знает. Мать воображалась ей не человеком, а грудой пропитанного джином и обмоченного тряпья где-нибудь в углу, куда никто никогда не заглядывает. Что до отца... ну, короче, этой дорожкой тоже лучше не ходить. Туда и дорожки-то не проложено.

– А ты с мамой дружила? – на днях спросил Гарри.

Он вечно задавал вопросы. Кристал вечно выдумывала ответы.

– Конечно, – сказала она. – Кто ж с мамой не дружит?

Плохо, что он работает в театре «Чертоги» на этого старого козла Баркли Джека, но не объяснишь, почему Кристал против, не коснувшись того, чему лучше гнить себе спокойно во мраке прошлого. Баркли – грязная старая скотина, но он хотя бы не по мальчикам. Иначе Кристал не подпустила бы к нему Гарри и на пушечный выстрел. Но все равно нельзя, чтоб такая сволочь коптила небо. Кристал пару раз встречалась с Баркли – Кристал ему «представляли». Ничего не случилось, он не заинтересовался – она для него была, видите ли, «старовата». Ей тогда стукнуло аж целых четырнадцать лет. Бр-р, как вспомнишь – вздрогнешь. В Бридлингтоне дело было, само собой. Хоть на край света сбеги, все равно вернешься в Бридлингтон.

Едва Карри уснула, Кристал заварила мятного чаю и обозрела свой улов с распродажи. После долгих раздумий освободила торт «Виктория» из удушающей пищевой пленки и выложила на барную стойку. А потом долго на него смотрела, барабаня накладными ногтями по отполированному граниту, – мол, давай, бисквит, не тяни, посмотрим, что ты выкинешь. Сердце в груди колотилось молотом, ребра стягивали его, точно корсет, с каждым мигом туже. Словно Кристал вот-вот совершит убийство. Торт делал вид, что он тут ни при чем, и Кристал, еще подискутировав сама с собой, от-

резала скромный кусочек. Съела стоя – так она меньше ему обязана. Ну и пакость. Кристал убрала торт в буфет.

– Нарастила себе, киса? – засмеялся Томми на днях.

Кристал вечером чистила зубы в ванной, а Томми обхватил ее руками сзади и цапнул за живот под прелестной ночнушкой «Ла Перла». В детстве у Кристал не было ночнушек и пижам – на узкой койке в трейлере приходилось спать в трусах и майке.

«Нарастила»? Твою же мышь, а? (Может, несколько фунтов, но это мышцы, от вин-чуна.) Наглый мудака. Мутант. Наглый мутант, поправились она. (Почему-то звучит еще хуже.)

– Да я не против, – сказал Томми, руками переползая ей на бока. – Люблю, когда на женщине мясо. Есть за что подержаться – точно не упадешь. Попины уши – полезная штука.

Кристал достала торт из буфета и поставила на барную стойку. Опять развернула, отрезала еще один скромный кусочек. На сей раз сидя. Отрезала еще кусочек, не такой скромный. Съела. А потом отрезала еще и еще и все запихивала в рот. Удивительно, как быстро можно сожрать целый торт, если всерьез взяться за дело.

Когда торт закончился, Кристал некоторое время посмотрела на пустое блюдо, а потом пошла вниз, в уборную, и там все вытошнила обратно. Чтобы смыть, пришлось сливать воду дважды. Унитаз оттерла с отбеливателем. До того чистый унитаз – хоть ешь из него. Кристал заново сложила поло-

тенца, расправила их на вешалке, выровняла лишние рулоны туалетной бумаги в шкафу под раковиной и опрыскала ванную духами «Ж'адор». Она вся как будто стала легче, очистилась. Вернулась в кухню, загрузила посудомойку. Затем снова пошла в оранжерею и закурила. Опять за старые фокусы, Кристина, подумала она. Что на тебя нашло?

Спасение на водах

База съемочной группы «Балкера» располагалась через пару кварталов. Оккупировали полпарковки – и не задешево, по прикидкам Джексона. Всю неделю снимают здесь – в «арке» Джулию похищал бесноватый психопат, который сбежал из тюрьмы и теперь прятался от полиции. Джексон не запомнил, почему бесноватый психопат решил привезти Джулию на море, – спустя время Джексон перестал вникать в «арку».

Уже пять – Джулия говорила, что, скорее всего, примерно сейчас должна закончить. Завтра у нее выходной, и сегодня Натан переночует у нее в гостинице «Краун-Спа». Джексон предвкушал тихий вечер: жить с Натаном – все равно что внутри спора. До последнего времени Джексон и не признавал, как ценит одиночество.

(– Кое-кто назвал бы это затворничеством, – сказала Джулия.)

– Длинное громкое слово, – сказал Джексон.)

А до конца каникул еще несколько недель. Сын скучал по друзьям – сын вообще скучал. Он, более того, по его словам, *подыхал* от скуки. По результатам вскрытия, сообщил ему Джексон, в графе «причина» свидетельства о смерти еще никто и никогда не писал «скука».

– А ты видел вскрытие? – оживился Натан.

– Сто раз, – ответил Джексон.

А сколько трупов видел?

– Ну, типа за всю жизнь?

– Слишком много, – ответил Джексон.

И у всех по лицам читалось, что столу в морге они бы с радостью предпочли скуку.

В поисках парковочного места кружа по Эспланаде, Джексон поглядывал на окрестные дома. Территория Сэвила – «Джим», который «все устроит», где-то здесь обзавелся квартирой. На перилах Эспланады над пляжем некогда висела табличка «Вид как у Сэвила». Давным-давно сняли, конечно. Захоронили с почестями, достойными католического святого, – теперь она гниет в безымянной могиле, дабы никто не осквернил. Туда и дорога, думал Джексон, – жаль, что дело так затянулось. Жаль, что по миру шастает столько других хищников. Одного, допустим, накроешь, но на пусто место мигом ринется еще десяток, и устроить иначе не удастся, похоже, никому.

Поразительно, сколько извращенцев можно упаковать на единицу территории. Джексон до сих пор помнил многолетней давности лекцию сотрудницы службы опеки. «Сходите летом на любой приморский пляж и посмотрите вокруг, – сказала она. – Увидите сотню педофилов в их естественных охотничьих угодьях».

Вид, впрочем, и впрямь великолепный – перед ними расстилалась панорама Южного залива.

– Красиво, – сказал Джексон Натану, хоть и знал, что красивые виды начинаешь ценить самое раннее после тридцати; и Натан все равно увлеченно пялился в свой оракул под названием айфон.

Джексон увидел, где можно припарковаться, и в этот самый миг к ним по Эспланаде поплыл восхитительно величавый фургон «Мороженого Бассани». Фургон был розовый, и в нем играла песенка «Пикник для медвежат»²⁴. Колокольчики на последнем издыхании – музыка (если можно так выразиться) получалась скорее скорбная, чем жизнерадостная. Джексон смутно припоминал, как пел это дочери, когда та была еще крохой. Прежде ему не приходило в голову, что песня-то грустная. *Если пойдешь сегодня в лес, лучше прикинься валенком.* Зловещая даже. Сейчас стало не по себе.

Вроде была какая-то история с этими розовыми фургонами? Ими, помимо прочего, и соблазняли детей. Можно ли загипнотизировать ребенка колокольцами фургона с мороженым? Заманить, как гамельнский крысолов, увести на встречу ужасной судьбе? (Или Джексон читал это где-то у Стивена Кинга?) Кто теперь управляет «Бассани»? По-прежнему семейный бизнес или только имя осталось?

Как познакомились Бассани и Кармоди? В муниципальном совете, на благотворительном званом ужине? Обрадова-

²⁴ «Пикник для медвежат» («The Teddy Bears' Picnic», 1907, 1932) – детская песня на мелодию американского композитора Джона Уолтера Брэттона; текст в 1932 г. написал ирландский автор песен Джимми Кеннеди.

лись, должно быть, найдя общий интерес к одинаковому фуражу. Гнетуще знакомый сюжет, повесть о девочках – да и мальчиках, – которых выманивали из детских домов, из-под опеки приемных родителей или из неблагополучных родных семей. Бассани и Кармоди – члены муниципального совета и уважаемые филантропы на высоких должностях, в таких учреждениях их принимали с распростертыми – да господи, *приглашали*, как вампиров. Они приносили дары – зазывали детей на рождественские вечеринки, выезды на природу и к морю, в походы и на каникулы в трейлерах: у Кармоди были трейлерные стоянки по всему восточному побережью. Детей бесплатно пускали в галереи игровых автоматов и на ярмарки с аттракционами. Мороженое, сласти, сигареты. Угощение. Малоимущие детки любят угощения.

Всегда ходили слухи о том, что был некто третий. Не Сэвил – у того было свое шоу, отдельно от Бассани и Кармоди. Эта парочка куролесила десятилетиями – и никто их не ловил. Была такая телепрограмма, называлась «Старые добрые времена»²⁵, поклон почившему мюзик-холлу. Старые телепрограммы по сей день – почему-то, кто его знает почему – повторялись по Би-би-си-4.

(– Постирония, – поясняла Джулия – загадочное для

²⁵ «Старые добрые времена» (*The Good Old Days*, 1953–1983) – развлекательная программа Би-би-си, спродюсированная Барни Куолэном, в которой воссоздавалась обстановка викторианского и эдвардианского мюзик-холла и исполнялись песни и скетчи того периода, при этом актеры и зрители были в соответствующих костюмах. Съемки шоу проходили в «Городском варьете Лидса».

Джексона понятие.)

Так вот, у Бассани с Кармоди тоже было собственное шоу. «Старые дурные времена».

Некогда Бассани и Кармоди правили этим побережьем. Занятно, сколько мужчин запомнилось своим падением. Цезарь, Фред Гудвин²⁶, Троцкий, Харви Вайнштейн, Гитлер, Джимми Сэвил. Женщины – почти никогда. Они не падают. Они восстают.

– Можно мне мороженое? – спросил Натан, по заветам Павлова мигом выдав реакцию на колокольный раздражитель.

– *Опять?* Ты сам-то как думаешь?

– Почему нельзя?

– Потому, разумеется, что одно ты только что съел.

– И?

– И, – сказал Джексон, – второго не будет.

Вечно всего мало. И у друзей Натана – та же доминантная черта. Сколько ни получают, сколько ни купят, вечно недовольны. Их создавали ради потребления, и в один прекрасный день после них не останется ничего. Капитализм пожрет сам себя, воплотив свой смысл жизни в самоуничтоже-

²⁶ Фредерик Андерсон Гудвин (р. 1958) в 2001–2009 гг. был исполнительным директором холдинга «Королевский банк Шотландии»; при нем банк сначала достиг небывалой капитализации, а затем разорился и был национализирован в 2008 г.; рыцарский титул, присвоенный Гудвину в 2004 г. за заслуги в области банковского дела, был аннулирован, что в истории Великобритании случалось крайне редко.

нии при поддержке закоротившего дофаминового контура обратной связи – как змея, что глотает собственный хвост.

Однако добродетели у Натана тоже имеются, напомнил себе Джексон. Например, сын хорошо обращается с Дидоной. Сочувствует ее недугам, всегда готов расчесать ее или покормить. Натан знает Дидону с щенячьих дней. Натан и сам тогда был щеночек, ласковый и игривый, а теперь Дидона оставила его далеко позади. Вскоре ее дорожка подойдет к концу, и Джексон заранее ужасался, как это переживет Натан. Джулии, конечно, будет хуже.

Тут Джексон отвлекся на девочку, шагавшую по дальнему тротуару. Кроссовки, джинсы и футболка с блестящей головой котенка. Разноцветный рюкзак. Лет двенадцать? Джексону не нравилось, когда девочки гуляли одни. Фургон с мороженым замедлился и затормозил, а девочка поглядела вправо, потом влево (хорошо), перешла дорогу, и Джексон уже решил, что она собралась за мороженым, но она выставила большой палец (плохо) проезжающим машинам.

Господи, да она стопит! Ребенок же совсем – о чем она думает? Девочка побежала к фургону с мороженым – рюкзак заскакал на тощих плечах. Рюкзак синий, а на нем единорог в россыпи крошечных радуг. Котята, единороги, радуги – занятные они все-таки существа, девочки. Вообразить невозможно, чтобы Натан таскал рюкзак с единорогом или носил футболку с котячьей башкой. Разве что это логотип транснационального бренда – но тогда блестяшки, вероятно, пришиты

вручную малолеткой с потогонной фабрики в какой-нибудь стране третьего мира.

(– Обязательно надо во всем видеть темную сторону? – спросила Джулия.)

– Кто-то же должен, – ответил Джексон.

– Да, но это обязательно должен быть *ты*?

Видимо, да. Обязательно.)

У фургона «Бассани» девочка не остановилась – пробежала мимо, и вот тогда Джексон засек неприметный серый хэтчбек, затормозивший перед фургоном, и не успел подумать: «Не надо!» – девочка уже забралась на пассажирское сиденье, а хэтчбек тронулся.

– Быстро! – сказал Джексон Натану. – Сфоткай эту машину.

– Чего?

– *Машины*, номер сфоткай.

Поздно. Джексон развернул «тойоту», и тут медленно двинулся фургон, а вдобавок – нежданчик – возник мусоровоз, который перегородил дорогу, никому не намереваясь ее уступать и подрезав Джексона на съезде. С одного боку розовый фургон с мороженым, с другого мусоровоз этот – прощайте, все шансы проследить за хэтчбеком.

– Блядь, – сказал Джексон. – Я даже марку не разглядел.

М-да, теряем квалификацию.

– «Пежо триста восемь», – сказал Натан, опять уткнувшись в телефон.

Даже в досаде Джексон ощутил укол гордости. Умница, мальчик, подумал он.

– Чего ты психуешь? – сказал Натан. – Может, ее папа или мама подобрали.

– Она *стопила*.

– Может, она над ними прикалывалась.

– Прикалывалась?

Натан протянул Джексону телефон. Все-таки сфотографировал – очень размыто, номера не разглядеть.

– Можно мы уже *поедем*, пап?

На базе съемочной группы Джулии не оказалось.

– Она еще на площадке, – сказал кто-то.

Съемочная группа к Джексону привыкла. Парень, который играл Балкера, вечно тянул из Джексона все соки, выясняя, как повел бы себя «настоящий» детектив, а потом забивал болт на советы.

– Ну а что? – сказала Джулия. – Ты же сто лет как не служишь в полиции.

Да, но полицейский я навсегда, подумал Джексон. Это его прошивка по умолчанию. Она ему, всего святого ради, в самую *душу* вшита.

Парень этот – уже второй, кто играет Балкера; у первого актера случился нервный срыв, он уехал и больше не вернулся. Было это пять лет назад, но Джексон до сих пор считал нового парня новым парнем, и у него еще было имя – Сэм,

Макс, Мэтт – из тех, что в мозгу у Джексона никогда не застревали.

В фургоне кафетерия выставили сэндвичи, и Натан проглотил целую кучу без малейших признаков пожалуиста или спасибо. Дидоне в пору ему позавидовать.

– Славно жить в свинарнике, да? – сказал Джексон, а Натан насупился и сказал:

– Чего? – как будто Джексон – муха надоедливая.

Надоедливая муха и есть – Джексон и сам понимал. Надоедливая муха, за которую неловко.

(– Это один из пунктов твоего отцовского резюме, – сказала Джулия. – И вообще, ты уже старик.

– Благодарю.

– В смысле – в *его* глазах.)

Джексон считал, что для своих лет сохранился неплохо. Все волосы на месте, и в один прекрасный день он их, спасибо генетике, пожертвует Натану, так что пусть все-таки скажет спасибо (ага, как же). Куртка «Белстафф роудмастер», «рэй-баны» – по мнению Джексона, он по-прежнему оставался фигурой весьма интересной, можно даже сказать – клевой.

– Конечно, никто не спорит, – сказала Джулия, точно капризное дитя утешала.

Джулия в конце концов явилась – видок такой, словно прямиком с поля боя. В медицинской форме, которая, вообще-то, ей шла, вот только вся в крови и с огромной ноже-

вой раной поперек лица – отлично потрудились гримеры.

– Серийный убийца напал, – бодро пояснила она Джексону.

Натан уже пятился, поскольку Джулия наступала на него, распахнув объятия.

– Придержи его, а? – попросила она Джексона.

Тот прикинул, на чьей он стороне, и воздержался. Натан нырял и увивался, но в итоге Джулия заловила его и наградила шумным чмоком – в материнских объятиях Натан извивался, как рыба на крючке, и рвался на свободу.

– Мам, ну кончай, ну пожалуйста. – И вырвался.

– На самом деле ему нравится, – сообщила Джулия Джексону.

– Ты на смерть похожа, – проинформировал ее Натан.

– Я в курсе. Красота, скажи?

Она упала на колени и обняла Дидону почти так же страстно. Собака, в отличие от ребенка, ответила симметрично.

Тут все затягивается, сказала Джулия, она застрянет до ночи.

– Езжай лучше домой с папой.

– Запросто, – вставил «папа».

Джулия непомерно надула губы, аки печальный клоун, и сказала Натану:

– А я так хотела побыть со своим малышом. Приходи завтра, повидайся со мной, ладно, миленький? – И затем Джексону, не так надуто и гораздо деловитее: – У меня завтра вы-

ходной. Привезешь его в гостиницу?

– Запросто. Пошли, – сказал Джексон Натану. – Купим рыбу, надо поужинать.

Они поели рыбы с картошкой на ходу, из картонок, шагая вдоль берега. Джексон скучал по жирной и уксусной газете рыбы с картошкой своего детства. Он превращался в какой-то ходячий и говорящий урок истории, музей народных промыслов в одно лицо, да только никто ничему не желал у него учиться. Джексон впихнул пустые картонки в переполненную урну. Вот тебе и мусоровоз поперек дороги.

Народ с пляжа еще не разошелся и использовал теплый ранний вечер на всю катушку. В том районе Йоркшира, где родили и взрастили Джексона, лило каждый день, с утра до ночи, с начала времен, и он приятно удивился, обнаружив, до чего безоблачным – буквально – бывает восточное побережье. И лето выдалось прекрасное – хотя бы на несколько часов в день солнце казалось лицо, порой даже надев шляпу²⁷.

Прилив как раз наполовину подступил – или, может, «отлив» и «отступил», Джексон не разбирался. (Это как стакан наполовину полон / наполовину пуст?) Он еще только учился жить на побережье. Если задержится надолго, может, привыкнет ощущать морские колебания в крови и бросит вся-

²⁷ Аллюзия на песню Ноэла Гея и Ральфа Батлера «The Sun Has Got His Hat On» (1932), исполнявшуюся Сэмом Брауном в сопровождении оркестра *Ambrose and his Orchestra* и Вэлом Розингом в сопровождении *Henry Hall BBC Dance Orchestra*.

кий раз сверяться с таблицей приливов, выходя на пробежку по пляжу.

– Пошли, – сказал он Натану. – По песку пройдемся.

– «Пройдемся»?

– Ага, пройдемся – это очень просто, я тебе покажу, если хочешь. Вот смотри: эту ногу вперед, потом другую.

– Ха, ха.

– Давай, пошли. Потом поднимемся к машине на фуникулере. И он вовсе не «фу», и кулером не работает, откуда и слог «ни».

– Фигня какая-то.

– Тоже правда, но тебе понравится.

– Ой, держите меня, – буркнул Натан; Джексон и сам так выразался в минуты обостренного цинизма. Странно и довольно лестно слышать, как мальчик заговорил мужским голосом.

– Пошли, – подбодрил его Джексон, когда они добрались до пляжа.

– Оу-кей.

– А ты знаешь, что «о'кей» – самое узнаваемое слово в мире?

– М-да?

Натан пожатием плеч обозначил, что ему неинтересно, но поплелся рядом. Под палящим солнцем преодолевая пустыни, люди выказывают больше воодушевления.

– Ну давай, спроси меня, – продолжал Джексон. – Я же знаю, тебе до смерти любопытно, какое в мире второе самое узнаваемое слово.

– Пап? – Циничный подросток испарился, и на миг Натан снова стал просто пацаном.

– Что такое?

– Смотри. – Натан показывал на залив – в воде бурлила какая-то сумятица. – Здесь ведь нет акул, да? – неуверенно спросил он.

– Полным-полно, но необязательно в море, – ответил Джексон.

Не акулье нашествие, а трио плохих пацанов со стоянки. Двое в углой надувной лодочке – скорее детская игрушка, чем годное плавсредство. Переполох, по всей видимости, устроил третий, не к месту взявшись тонуть. Джексон огляделся в поисках спасателя, но спасателя не узрел. Вряд ли же они работают с девяти до пяти, правда? Джексон вздохнул. Его, значит, вахта – повезло, ага. Типично. Он стащил ботинки «Магнум» и сунул куртку Натану – хрена с два он ради этих дурошлепов испортит «Белстафф». Он подбежал к воде и побежал дальше, плещась весьма неэлегантно, а затем прыгнул и поплыл. Человек, вбегающий в море в носках, выглядит недостойно – почти как человек, который лижет мороженое на ходу.

Когда Джексон доплыл, пацан (или прибрежный придурок, как про себя нарек его Джексон) уже ушел под воду.

Другие двое орали, как два бессмысленных болвана, – всю рисовку стерла слепая паника. Джексон вдохнул поглубже и задохнулся под водой. С пляжа казалось, что море спокойное, но отсюда до суши меньше сотни футов, а море раскомандовалось, как зверский старшина. Море пленных не берет – либо ты в дамках, либо привет.

Джексон, самый неуклюжий на свете русал, выпрыгнул из воды и погрузился обратно. Удалось подцепить пацана – одной рукой цапнуть за волосы, другой за пояс джинсов на спине, – и наконец, одному Господу ведомо как, Джексон выволок и его, и себя на поверхность. Не самое грациозное спасение на водах, но все бы получилось хорошо, если б он затем не ухватился за лодочку, от которой, кроме вреда, никакой пользы. Лодочка оказалась слишком хлипкая, и в воду с воплями рухнули еще двое. Да начнутся новые утопления. А что, плавать тут вообще никто не учился? Зря небо коптят, вся троица, хотя их матери, надо думать, другого мнения. (Или нет.) Зря или не зря, инстинкт велел их спасти.

Один – еще ладно, трое – неподъемно. Наваливалась усталость, и в какой-то краткий миг Джексон успел подумать: «Что, приплыли?» Тут, к счастью для всех участников событий, подкатила лодка береговой спасательной службы и выволокла из воды всех.

На берегу кто-то провел утопшему пацану сердечно-легочную реанимацию на песке, а люди толпились вокруг, безмолвно подбадривая. Джексон шагнул было к двоим другим

пацанам, но те – парочка промокших водяных крыс – от него попятнулись: им непонятно было благородство, его и вообще ничье.

Утопший пацан закашлялся и очухался – чудо, подумал Джексон, как ты небо ни копоти, – родился заново прямо на песке. Джексон вспомнил «рожденную заново» Пенни Рулькин. Он и сам один раз побывал мертвым. Пострадал в железнодорожной катастрофе, остановка сердца. («Ненадолго», – сказала врач в реанимации: как будто отмахнулась, счел Джексон.) Его вернул к жизни один человек, девочка, на железнодорожной насыпи, и после этого Джексон еще долго жил в эйфории спасенного. Сейчас-то, конечно, уже отпустило – банальность повседневной жизни в конечном итоге возобладала над трансценденцией.

Спасатель закутал Джексона в одеяло, хотел отвезти в больницу, но Джексон отказался.

– Пап?

Над ним нависал бледный и испуганный Натан. Дидона придвинулась ближе – спокойно, стоически ободряла, для чего наваливалась на Джексона всей тушей.

– Ты как? – спросил Натан.

– Порядок, – ответил Джексон. – Можно мы уже пойдем?

Из конфет и пирожных

Запах отцовского завтрака – сосиски, бекон, яичница, кровяная колбаса, тушеные бобы, поджаренный хлеб – по-прежнему довольно зловеще витал по дому (а дом немаленький).

– Тебя это когда-нибудь убьет, – твердила Кристал отцу чуть не каждый день, выставляя все это богатство на стол.

– Пока что не убило, – мажорно отвечал отец, словно это логичный аргумент.

(Гарри воображал, как мать, когда ее предостерегают от опасностей, отвечает: «Ну, я пока что не упала с обрыва».)

Отец с утра пораньше укатил в Порт Тайна встречать паром датской «Компании объединенных пароходств» из Роттердама.

– Бытовой крупняк, – сказал он.

Если фуры прибывали с континента, отец часто встречал их на таможне сам.

– Контроль качества, – говорил он. – Кровь из носу нужен, если хочешь сохранить лояльность потребителя.

Раньше отец вслух желал, чтоб Гарри пошел работать в фирму – будет, мол, «Холройд и сын», – но в последнее время об этом особо не поминал, вообще не поминал об этом с тех пор, как Гарри сказал, что хочет на театроведение. («Почему не на машиностроение, например?»)

На днях Гарри подслушал, как отец спрашивает у Кристал, не гей ли его сын.

– Он у нас слегка голубоват, нет?

– Не знаю, – сказала Кристал. – А это важно?

Видимо, отцу важно. Гарри не считал, что он гей, – ему нравились девушки (хотя, пожалуй, не в *этом* смысле), – но вдобавок он настолько еще не сформировался как личность, как центральный персонаж своей персональной драмы, что не готов был выносить решительные суждения ни о чем вообще. Может, вместо него отец заманит в бизнес Каррину. «Холройд и дочь». Перекрасит тягачи в розовый – она тогда бегом прибежит.

Гарри был один дома. Кристал и Каррина в детском саду, а после они обычно ходят в парк или пить кофе в «Косте» с другими мамашами – тот же детский сад, по сути, только в менее подходящей обстановке. На каникулах Каррину в детский сад иногда водил Гарри. Познавательное – пить кофе с детсадовскими мамашами. И у мамаш, и у кордебалета в театре Гарри почерпнул много нового – оно было в основном анатомического свойства и взрывало мозг.

Сегодня у него вторая смена в «Мире Трансильвании» – или просто «Мире», как его называли низкооплачиваемые сотрудники, то есть Гарри и его друзья. «ВЗБУДОРАЖИМ СТРАШНЫМ АНТУРАЖЕМ», – гласила афиша снаружи. «Мир Трансильвании» – один из аттракционов на пирсе, хотя едва ли кому придет в голову описывать его словом «ат-

трактивный». Гарри работал там летом второй год – брал деньги, выдавал билеты. Не бином Ньютона, а поскольку посетителей не было, на своем посту Гарри в основном читал. В сентябре начинался выпускной год, и у Гарри был длинный список чтения, сквозь который он сейчас продирался. Учился он в шикарной школе – это так выражался его отец. «Тебя в этой твоей шикарной школе хоть чему-нибудь учат?» Или: «Я плачу этой твоей шикарной школе, чтоб тебя там обучали *этике*? Что за еб твою мать? Этике я тебя и сам обучу. Не пинай лежачего. Пусть правая рука не знает, что делает левая. Женщины и дети вперед». Довольно пестрый моральный кодекс, и Гарри сомневался, что Сократ подписался бы под каждым словом или даже что отец сам подчинялся всем этим правилам.

Школа-то, может, и шикарная, но почти все знакомые Гарри летом вкалывали. Сезонных работ полно, не пойти куда-нибудь – прямо-таки преступление. Крутые ребята – точнее, ребята, полагавшие себя крутыми, – шли на бодибординг или сдавали экзамены на спасателей, а ботаны типа Гарри и его друзей сидели по билетным кабинкам, черпали и раскладывали мороженое по рожкам, выгребали картошку в картонки и обслуживали столики.

«Мир» принадлежал Кармоди, ярмарочным людям, и это был не аттракцион, а днище – несколько поеденных молью истуканов, выкупленных у старого музея восковых фигур, и пара фигово выстроенных неживых картин. «Живые акте-

ры» тоже были обещаны, но живой актер был всего один, и не актер, а такой же ботан по имени Арчи, вместе с Гарри сидел на парах по истории и зарабатывал гроши, шныряя по коридорам и напрыгивая на (весьма немногочисленных) платежеспособных клиентов, напялив резиновую маску Дракулы. Не «Настоящая кровь»²⁸, короче.

Город славился своими вампирами, здесь высадился собственно Граф, по крайней мере согласно литературе, хотя люди так об этом распространяются – можно подумать, это прям реальное историческое событие. Сувенирные лавки битком набиты черепами, и крестами, и гробами, и нетопырями из резины. Несколько раз в год на город совершали набег готы во власти живых мертвецов, а сейчас была еще Неделя стимпанка и Пиратская неделя, и весь город смахивал на бал-маскарад. Все «пираты» носили потертые шинели и широченные шляпы с перьями, а вооружались кортиками и револьверами. А кортики хоть наточены? На самом деле, саркастически комментировала Эмили, подруга Гарри, «этих мужиков зовут Кевинами, и они всю неделю торчат в аналитических центрах. А в выходные дают выход фантазиям».

²⁸ «Настоящая кровь» (*True Blood*, 2008–2014) – американский фэнтезийный сериал Алана Болла по мотивам серии романов «Вампирские тайны» (*The Southern Vampire Mysteries*) Шарлин Харрис о сложном сосуществовании людей с вампирами, которые в качестве источника пропитания сменили человеческую кровь на искусственную, вышли из подполья и добиваются равных с людьми прав.

И это бы ничего, считал Гарри, хотя с какого перепугу человеку охота быть пиратом или невестой Дракулы – большой вопрос.

(– Ну, куча женщин выходит замуж за вампиров, – сказала Кристал.)

Но вот со стимпанком Гарри пока не примирился. Только на прошлых выходных на него посреди улицы наткнулся мужик. У мужика была железная маска на все лицо, а из маски торчали шланги и трубки.

– Ой, пацан, извини, – весело сказал он. – Ни хрена в этой штуке не вижу.

Никем другим Гарри быть не хотел – Гарри хотел быть собой. Само по себе та еще задачка.

До ухода оставалось время. Можно поплавать в бассейне или посидеть в саду и почитать – но день прекрасный, не хотелось с головой нырнуть в книгу и там застрять. Это Кристал так говорила – «Опять с головой нырнул в книгу и там застрял». Смешно вышло бы, если бы Гарри по правде нырнул в книгу и застрял.

То театр, то «Мир» – почти каждый день приходилось по-много утомительно мотаться. «Горняя гавань» торчала высоко на скалах, на ничейной земле между Скарборо и Уитби, и почти все лето Гарри носился туда либо сюда. Если времени была куча, иногда ехал на велосипеде по гаревой тропинке вдоль старой железной дороги, но обычно на автобусе. Гарри прямо дожидаться не мог того дня, когда наконец

сдаст экзамен и получит машину. Отец уже начал его учить на грунтовках, пускал за руль своего «мерседеса С-класс». («Что ты с ним сделаешь? Разобьешь?») Томми был удивительно (поразительно) терпелив, и в этой обстановке они поладили, как... ну, как отец и сын. («А у тебя не так херово получается, как я думал», – сказал Томми. Воистину высокая похвала.) Приятно найти занятие, в котором они друг друга не разочаровывали.

Этим летом Гарри на работу несколько раз возила Кристал.

– Потому что я все равно поеду, Гарри, – а порой ей «просто хотелось покататься».

Кристал говорила, если ей когда-нибудь придется составлять анкету, «на работу поступать, я не знаю», она в графу «хобби» впишет вождение. Она собирается на работу? Гарри гадал, что она умеет. Ей нравилось водить, а Гарри нравилось, когда она его возила. В «эвоке» он обычно садился сзади к Каррине, и они втроем горланили «Отпусти»²⁹. У Гарри был неплохой скромный голос – он пел в школьном хоре, – Кристал медведь на ухо наступил, а Каррина визжала, как пила. И все равно это их сплачивало. Как будто они семья. В этот миг Гарри на глаза попались часы, и он сообразил, что слишком долго валандался – автобус вот-вот уйдет без него.

²⁹ «Отпусти» («Let It Go») – песня Кристен Андерсон-Лопес и Роберта Лопеса из мультфильма «Холодное сердце»; в ней Эльза принимает решение уйти от людей, но больше не отказываться от своего дара.

Во второй половине дня в «Мир Трансильвании» почти никто не заглядывал. Замогильный покой. Ха-ха. Вдобавок светит солнце, и никто, кроме редких извращенцев, не захочет прятаться под крышей в такую хорошую погоду. Для бизнеса лучше всего дождь – люди забегали спрятаться, вход – всего два фунта, хотя зачастую, отведав скудных ужасов, они считали, что и это грабеж. Выход был на другую улицу, так что обычно Гарри не выпадало разбираться с удрученными клиентами. Сообразив наконец, где они и как вернуться к началу, клиенты уже теряли волю к жизни, и скандалить из-за двух фунтов их ломало.

Арчи, так называемый «живой актер», не явился. Когда такое случалось – а случалось такое часто, что неудивительно, – Гарри подводил посетителей ко входу («Там довольно темно»). И это правда!), по заднему коридору бежал до потайной двери, хватал маску Дракулы, выскакивал посетителям навстречу, как раз когда они сворачивали за угол, и kloкотал горлом («Йааргхг!»), словно вампир, который не может откашляться. Люди никогда не восторгались, а пугались редко. Страх сам по себе неплох, говорил отец Гарри. «Держит в тонусе».

Мать Гарри, Лесли, погибла шесть лет назад, когда Гарри было десять, и отец женился снова, на Кристал, а через год они родили Каррину. Сейчас Каррине было три, и ее звали

Карри все, кроме Гарри, который считал, что имя какое-то слегка расистское. По его мнению, девочкам лучше зваться как-нибудь попроще – Эмили, Оливия, Эйми (так звали его школьных подруг). Мисс Рискинфилд нарекла их «Гермионами» – весьма пренебрежительно, особенно если учесть, что все они были в ее, как она выражалась, «фан-клубе». «По мне, так малка чересчур Джин Броди»³⁰, – говорила она. (А мисс Рискинфилд – она уже в расцвете лет? Гарри не спросил.)

Мисс Рискинфилд преподавала у них в школе театральное искусство и английскую литературу.

– Зови меня Белла, – сказала она, подвозя Гарри домой после репетиции. («Мне в ту сторону».) В конце летнего триместра они поставили «Смерть коммивояжера». Гарри дали маленькую роль – Стэнли, официанта в ресторане, хотя он пробовался (и пролетел) и на Бифа, и на Хэппи. Играл он так себе.

(– Ты не парься, – сказала Кристал, – с возрастом научишься.)

«Смерть коммивояжера» шла три вечера. Отец Гарри не выбрался, но Кристал приехала на премьеру.

³⁰ «Лучшие годы мисс Джин Броди» (*The Prime of Miss Jean Brodie*, 1961) – роман шотландской писательницы Мюриэл Спарк об эдинбургской учительнице, которая разнообразно манипулирует кружком самых приближенных к ней учениц; в 1969 г. английский режиссер Рональд Ним по мотивам пьесы, написанной по мотивам романа, снял фильм «Расцвет мисс Джин Броди» (в рус. перев. тж. «Мисс Джин Броди в расцвете лет») с Мэгги Смит в главной роли.

(– Пьеса тоску нагоняет, да? Но ты очень хорошо играл, – прибавила она.

Гарри знал, что это вранье, но было приятно, что она так сказала.)

– Как Гамлет начинал монолог про мохнатый сыр? – спросил Гарри у мисс Рискинфилд, когда та подвозила его домой в последний вечер. – «Брить или не брить?»

Она рассмеялась, а затем, припарковавшись перед домом, положила руку Гарри на коленку и сказала:

– Ты не представляешь, до чего ты особенный. Помни: все твое будущее впереди – не транжирь его понапрасну, – наклонилась и поцеловала его в губы, и он почувствовал, как ее язык сладким мятым слизняком тычется в язык ему.

– Это кто была? Твоя драгоценная мисс Рискинфилд? – нахмурилась Кристал, когда Гарри, от поцелуя еще шатаясь, вошел в дом. – Мне вас видно на камерах.

Гарри вспыхнул. Кристал сочувственно похлопала его по плечу:

– Ты же в курсе, что она в следующем году переводится в другую школу?

Гарри не знал, расстраиваться ему от такой новости или вздохнуть с облегчением.

Девушки, зовущиеся, к примеру, Соня или Белла, порой взрывают мозг. А имя Карри чревато всевозможными неприятностями. (По сути, тебя съедят.) Можно, конечно, выра-

ти и стать дрэг-квин. У Сони Кристи, который выступал в «Чертогах», была знакомая по имени Кара Мель, хотя Гарри подозревал, что это не ее (или его) настоящее имя.

В спальне Каррины (да и в ее жизни) все было розовое и на тему фей с принцессами. Каррина спала в резной кровати, изображавшей карету Золушки, и у нее был целый гардероб диснеевских костюмов, которые она носила по очереди, – Бель и Эльза, Ариэль, Белоснежка, Динь-Динь, Моана, Золушка: бесконечный, практически взаимозаменяемый арсенал блесток и искусственного атласа. В том году они ездили в парижский Диснейленд и в магазине смели все подчистую.

– Лучше так, пожалуй, чем под Джонбене³¹, – сказал Соня.

Уж кто-кто, а Соня в костюмах разбирался. Он... она (при ней за местоимениями нужен глаз да глаз) была Гарри confidentкой. Странно, да, но за советом или излить душу Гарри ходил к Соне. У Гарри как будто снова появилась мать – ну, почти. Мать, которая носила парик, шпильки двенадцатого размера и «упихивал подальше свои шасси» (даже в Сонином лексиконе здесь требовался мужской род).

Гарри часто читал Каррине на ночь, для чего отыскивал свои детские книжки в одном из старых гаражей, где (весьма небрежно) распихали по коробкам и оставили плесневеть

³¹ Джонбене Патриша Рэмзи (1990–1996) – победительница американских детских конкурсов красоты, была убита в доме своих родителей в Боулдере, штат Колорадо, в возрасте шести лет, и убийца не найден по сей день.

его детство. Отец перестроил два сарая в гаражи и добивался разрешения перестроить третий, но не тут-то было: в сарае гнездились летучие мыши (точнее, «эти блядские летучие мыши», как их неизменно именовали), а летучие мыши – охраняемый вид. («Какого ляда? Какого ляда охранять этих блядских летучих мышей, блядь?») Гарри любил смотреть, как летними вечерами они носятся по сараю, ловят мошек. Летучие мыши были крошечные, на вид хрупкие, и Гарри боялся, что отец втайне желает им зла.

В этой Бэт-пещере Гарри в одной из коробок нашел чудесное иллюстрированное издание братьев Grimm (с подписью «От мамочки с любовью») и посредством его знакомил Каррину с жестокой стороной мира фей – читал ей сказки, в которых людей проклинали, или бросали, или отрубали им пальцы на ногах и выковыривали глаза. Сказки, в которых не было ни намека на конфеты и пирожные. Нет, он не хотел пугать Каррину – и, к чести Каррины, ее еще поди испугай, – но кто-то же должен уравновесить пушистый мирок сплошного розового зефира, который грозил поглотить ее целиком, и раз больше никто не брался, значит, видимо, надо Гарри. Плюс братья Grimm ввели в мир литературы его самого, и хорошо бы Каррина тоже полюбила читать.

Сказки он однажды обсуждал с рискованной мисс Рискинфилд, и она объяснила, что сказки – это «буквари» для девочек, чтоб знали, как выживать в мире «хищных мужчин». («Или, скажем так, волков».) Это руководство, сказала она,

что делать, когда девочка очутилась одна в темном лесу. Темный лес – это, наверное, метафора. Сейчас темные леса не то чтобы на каждом углу, но приятно думать, что Каррина вырастет, зная, как спастись от волков.

Его собственная мать, как Гарри ни старался, была лишь размытым пятном в памяти, и с каждым днем вызвать ее к жизни становилось все труднее. Время от времени что-нибудь прорывалось из миазмов внезапным острым осколком – Гарри сидит рядом с матерью в машине или мать протягивает ему мороженое, – но «контекст», как сказала бы мисс Рискинфилд, стерся напрочь. Мать никогда не жила в «Горней гавани» – там она тоже не чувствовалась. Она курила – это Гарри помнил. Еще помнил сиплый смех, темные волосы. И что однажды она танцевала в кухне – не вальсировала, а скорее как проклятая бедняжка Карен в «Красных башмачках». (Кошмарная сказка, для Каррины не пойдет, решил Гарри.)

У Эмили связь с его матерью была прочнее: она то и дело говорила, к примеру:

– Помнишь, тебе мама на день рождения испекла торт – он был как пожарная машина? – Или: – Твоя мама возила нас кататься на рождественском паровозе – весело было, да? – И так далее.

Было весело? Гарри не знал – почти все воспоминания вычеркнуты из жизни вместе с матерью. Как книжка, где не осталось нарратива, – только редкие слова разбросаны тут и там по страницам.

– Иногда лучше забывать, – сказала Кристал.

Может, порой думал Гарри, в конце концов мать умерла бы от рака – она же курила, – а не упала со скалы, как случилось на самом деле.

Падения никто не видел – мать выгуливала собаку. Кулема – крошечный дружелюбный йоркширский терьер, Гарри ее помнил яснее, чем собственную мать. Пророческая кличка, если учесть, что с этой собакой приключилось. («Пророческий» – это тоже мисс Рискинфилд так говорит.) Кулему нашли на карнизе под скалой – очевидно, собака сверзилась с обрыва, а мать Гарри полезла ее вытаскивать, поскользнулась и упала.

Кулему нашли живой, а тело матери береговым спасателям пришлось вылавливать из моря. Гарри недавно наткнулся на свидетельство о смерти – искал свое свидетельство о рождении, доказать, что ему правда нет восемнадцати и можно ездить на автобусе по льготному билету, – и там говорилось, что причина смерти – «утопление». Неожиданно – Гарри-то считал, что тогда был отлив и мать ударилась головой о камни, что чудовищно, но как бы получше, поскольку явно быстрее. Иногда он размышлял, видела ли собака мать, когда та пролетала мимо, успели ли они изумленно переглянуться.

От Кулемы отец избавился, отдал кому-то из своих шоферов.

– Не могу на нее смотреть, Гарри, – сразу Лес вспоминаю.

Прошло два года – и он женился на Кристал. Гарри жалел, что отец отдал собаку.

Мать заменили, а собаку нет. Сейчас был только ротвейлер Брут – отец купил его для охраны на стоянку «Холройда», и поначалу к этому псу никого не подпускали. Отец боялся за Карри – что псина может задрать и Гарри, и Кристал, отца смущало меньше. Однако Брут не оправдал его надежд и оказался не очень-то свирепым – здоровенный, но в душе тюфяк, и сильнее всех он любил Гарри; Кристал, впрочем, все равно посматривала на Брута косо. У нее в детстве вообще не было домашних животных, сказала она.

– Даже хомяка? – посочувствовал Гарри.

– Даже хомяка, – подтвердила она. – Зато крыс навалом.

Злой мачехой Кристал не была. Не пилила («Живи и дай жить») и доброжелательно интересовалась, что творится у Гарри («Как делишки? Порядок?»). Не расхаживала по дому в одном белье, ничего такого, боже упаси. И не отпускала колкостей насчет отсутствия у Гарри щетины и присутствия прыщей. Наоборот, украдкой оставила у него в ванной дорогой антибактериальный лосьон для лица. Однако свои вещи Гарри теперь стирал сам – он бы стеснялся, если б его трусы и носки стирала Кристал.

– Да я не против, – сказала она. – Видала чего и похуже.

Для нее он был не ребенок – скорее другой взрослый, с которым, так уж вышло, она живет в одном доме. Временами

Гарри ужас как хотелось побыть ребенком, но вслух он про это не говорил. (Он был «для своих лет слишком юный», по словам отца.) Гарри с Кристал были «друганы» – это Кристал так выражалась, – и они правда, как друзья, вместе хлопались на диван, когда Каррина засыпала, и смотрели по телику любимое – «Топ-модель по-американски», «Специальную авиадесантную службу: кто рискует, тот побеждает»³². Вкусы у нас эклектические, сказал ей Гарри.

(– Электрические? – озадачилась Кристал.

– Ну примерно, – ответил он.)

Новости они почти никогда не смотрели. («Выключи, Гарри, там вечно все плохо».) Зато смотрели про природу, охали и ахали над всякой мохнатой милотой и переключали канал, если милоте грозило что-нибудь грустное или кровавое. Нечего и говорить, что отец Гарри к ним на диван не подсаживался. («Что за говно вы тут смотрите?») Отец в основном работал, а если нет, сидел у себя в «берлоге» перед восьмидесятидюймовым теликом и смотрел «Скай спортс». Еще он там тягал веса, кряхтел и потел, задирая гантели над головой, или молотил подвешенный к потолку большой боксерский мешок «Эверласт». Иногда казалось, будто Гарри с Кристал

³² «Топ-модель по-американски» (*America's Next Top Model*, с 2003) – американское реалити-шоу, созданное Тайрой Бэнкс, в котором участники соревнуются за право получить контракт в модельном бизнесе. «Специальная авиадесантная служба: кто рискует, тот побеждает» (*SAS: Who Dares Wins*, с 2015) – британское реалити-шоу, в котором участников тестируют по программе отбора десантников воздушного спецназа; название шоу – девиз САС.

заговорщики, только Гарри так и не понял, против чего они стоваривались. Против отца, наверное. Отец порой «бывает немного властным», сказала Кристал.

– Как мистер Рочестер³³, – ответил Гарри, а Кристал сказала:

– Я, по-моему, с ним незнакома. Он у вас в школе преподает?

Кристал трудилась над Карриной не покладая рук – любопытно, какое у нее самой было детство. Улик от этого детства не осталось – ни фотографий, ни родственников, ни бабушек-дедушек для Каррины, – словно Кристал явилась в мир готовой и цельной, как Боттичеллиева Венера. Вот это Гарри подумал зря – он изо всех сил старался не воображать Кристал голой. Да и вообще никаких женщин голыми не воображать. У него был громадный альбом по искусству – попросил в подарок на последнее Рождество. Обнаженные из этого альбома – его самое близкое знакомство с порнухой. Он смущался смотреть на обнаженных женщин даже в одиночестве.

(– Пацан ненормальный, – как-то раз сказал отец, а Гарри подслушал.

Может, и впрямь.

– Покажи мне нормального, – отвечала Кристал.)

³³ Мистер Рочестер, персонаж романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» (*Jane Eyre*, 1847), спрашивал заглавную героиню: «Вы согласны, что у меня есть право быть немного властным, возможно, резким, иногда требовательным?..» (перев. И. Гуровой).

Гарри спросил ее о детстве, а она засмеялась и сказала, что, мол, аттракционы и мороженое, но таким тоном, будто ничего хорошего в них не было.

Кристал готовила, как любил отец, – «полный английский завтрак» по утрам, запеченное мясо по воскресеньям («и весь набор»), а в промежутках стейки и бургеры, хотя отец помногу пропадал на работе или «там-сям», где питался на-вынос. Либо возвращался поздно и доставал пиццу или полуфабрикатный ужин из холодильника («Менегини» – стоил столько, что Гарри хватило бы на первую машину, когда настанет тот день).

Кристал и Каррина не ели «эти помои». Рождение Каррины «обратило» Кристал к здоровому питанию.

– Чистое питание, – говорила она. – Хорошо звучит.

Она вечно торчала в интернете – блоги, влоги, рецепты. Салаты, фрукты, овощи. Молоко из кешью, тофу. Киноа, чиа, ягоды годжи – продукты с такими названиями, что ими надо питаться коренному населению Амазонки, а не шестнадцатилетнему парню в Йоркшире. На прошлой неделе Кристал испекла «шоколадный» торт из черной фасоли и авокадо, а вчера протянула Гарри «меренгу» и сказала:

– Спорим, не угадаешь, из чего это.

И он не угадал. Но оно, вероятно, сто лет назад умерло на дне колодца.

– Вода из-под нута! – победоносно объявила Кристал. – Называется аквафаба.

То, что так называется, считал Гарри, должны были построить древние римляне.

Впрочем, обычно он волен был выбирать, чем питаться. Кристал вечно пичкала его брокколи и бататом.

– Ты же растешь, Гарри. Ты – то, что ты ешь.

То есть главным образом Гарри – американская горячая пицца. Чистое питание, между прочим, не мешало Кристал курить («Я только изредка, Гарри. Не говори никому»), но она никогда не курила при Каррине или в доме, только в оранжерее, куда никто особо и не заходил. И Гарри никогда не видел, чтоб Кристал много пила, чего не скажешь об отце.

Если бы случился пожар, Кристал первым делом спасла бы – не считая, само собой, Каррины – блендер «Витамикс» и соковыжималку «Кувингс», ее личных домашних богов «Горней гавани». («Хочешь соку, Гарри? Капуста и сельдерей».) А меня, гадал Гарри, кто спасет? Он надеялся, что отец. Или, может, Брут.

– Не дури, – сказала Кристал. – Я тебя спасу.

Кристал обожала шуршать по хозяйству и, сколько отец ни настаивал, не желала нанимать уборщицу, потому что уборщицы не такие «старательные».

– Я женился на птичке-куколке, – сетовал Томми, – а получил миссис Швабр.

Словам «птичка-куколка» и «миссис Швабр» он выучился, похоже, у своего отца, и они ставили в тупик и Гарри, и Кристал.

«Горняя гавань» – эдвардианский особняк: снаружи да, а внутри не догадаешься, поскольку Кристал выкинула все оригинальные вещи, все светильники, и обстановка больше напоминала белый и блестящий интерьер космического корабля.

(– Да, – сказала Кристал, любовно оглядывая кухонный островок, – тут и хирург мог бы оперировать.)

«Горнюю гавань» строили для летнего отдохновения давно покойного брэдфордского шерстяного магната и его семейства, и Гарри любил воображать, как этот дом выглядел прежде – папоротники в латунных горшках, абажуры желто-зеленого уранового стекла, расписные фризы. И шелест шелковых юбок, и звяканье чайных чашек, а не встроенная кофемашина «Миле», которая, накачивая отца кофеином, ревела, как паровоз. («Может, капельную поставим?» – сказала Кристал мужу.)

На картины прошлого у Гарри было чутье. Он помогал с декорациями для школьной постановки «Как важно быть серьезным». («Весьма авангардный подход», – сказал директор мисс Рискинфилд, а Гарри подслушал.) Я подозреваю, говорила ему мисс Рискинфилд, что в будущем тебя ждет театральный дизайн, а не актерское искусство.

Кристал, по словам отца Гарри, была «рехнутая аккуратистка».

– Да, ОКР, – триумфально провозглашала она, словно обсессивно-компульсивного расстройства добивалась тяжким

трудом.

Все сложено, и рассортировано, и выровнено по линейке. Жестянки, безделушки, одежда – все «так, и никак иначе». Как-то раз Кристал зашла к Гарри, хотела что-то спросить (она всегда стучалась, чего не скажешь об отце), начала переставлять книги на полках по алфавиту (не совсем), и Гарри духу не хватило сказать, что он уже все расставил по темам. («Я читать не люблю. Мы со школой не очень-то поладили. „Мари Клэр“ – мой предел».)

Кирпичи в стене замороженных полуфабрикатов в «Меггине», догадался Гарри, однажды заглянув туда в поисках картошки фри, клались по сложной системе, которая дала бы фору любому библиотекарю. Как-то к Гарри зашли Оливия и Эми, Оливия полезла в холодильник за соком и, увидев холодильное нутро, заорала – взаправду заорала в голос. Нельзя не признать, что Гарри отчасти гордился быть пасынком женщины, чьи шеренги надписанных пластиковых контейнеров и стеклянных банок способны так поразить воображение шестнадцатилетней девчонки. Это ты еще ванную не видела, подумал он тогда.

Его подруга Эми пришла сменить его в «Мире»: Гарри надо было успеть в «Чертоги» к вечернему представлению.

– Там посетители, – сказал Гарри, кивая на вход в темный тоннель. – Мама, папа, один ребенок.

«Ребенок» лет десяти, грузный хмурый мальчик, грыз ле-

денец на палочке – чавкая, как динозавр костью.

(– Он же там не испугается? – спросила его робкая ма-тушка.

– Это вряд ли, – сказал Гарри.)

– Арчи нет, – сообщил он Эми. – Придется тебе маску надевать.

– Еще не хватало, – ответила Эми. – Она омерзительно негигиенична. Обойдутся без вампира.

У Эми было расстройство пищевых привычек, и Гарри кучу всего прочел онлайн, чтобы знать, чего не нужно ей говорить – например, «Доедай, тебе надо нарастить мяса на кости» или «Ну ты хоть доешь то, что на тарелке, господи боже мой» (а именно это с утра до ночи твердила ее мать). Гарри, напротив, говорил Эми: «Я это яблоко ни за что не доем, хочешь половину?» Пол-яблока пугали ее меньше, чем огромное блюдо пасты.

– Они там уже давно – дольше, чем обычно.

– Может, со страху померли. Мечты, мечты. Опоздаешь, Гарри.

– Ой, кстати, – как бы невзначай сказал он, уже перешагивая порог, – там сэндвич с хумусом и салатом, я не смог доесть. Готовила Кристал, так что норм. Выкидывай, если не захочешь.

– Спасибо, Гарри.

Близнецы Крей³⁴

Реджи принесла кофе в термосе. Кофе в отделе гаден, скорее бурая водица, чем кофе. Ронни пила черный, а Реджи себе прихватила банку соевого молока. Она уже давно была веганкой, почти десять лет, с тех пор, когда звезды еще не ввели эту моду. Всем вечно чешется расспрашивать Реджи про ее диету, и опытным путем она вывела, что идеальный ответ – «Ой, знаете – аллергия», потому что нынче у всех на что-нибудь да аллергия. Она-то предпочла бы отвечать: «Потому что не хочу запихивать в свой организм мертвых животных», или: «Потому что коровье молоко – это для телят», или: «Не хочу прикладывать руку к гибели планеты», – но когда такое говоришь, людям почему-то не нравится. И тут надо понимать: веганство – тяжелый труд, а Реджи та еще кулинарка. Если б не тосты с фасолью, ее блюдо на любой случай, она бы небось давно с голоду померла. Реджи было двадцать шесть, но всю жизнь любой возраст ей был не в пору.

– Спасибоочки, – сказала Ронни, когда Реджи налила ей кофе.

³⁴ Близнецы Ронни (Рональд, 1933–1995) и Реджи (Реджинальд, 1933–2000) Крей – английские бандиты, контролировали лондонскую организованную преступность в 1950–1960-х; в 1960-х были, помимо многого прочего, владельцами ночных клубов и звездами «свингующего Лондона»; арестованы в 1968-м, а в 1969-м приговорены к пожизненному заключению.

Кружки у них были свои. И они обе выпили кофе с утра – «дома», как они уже это называли, хотя пока всего две ночи провели в ветхом коттедже, снятом через *Airbnb* в Робин-Гуд-Бэе на неделю – предположительно столько должен продлиться нынешний этап расследования.

Они ютились бок о бок за одним столом, который им выделили в скудно обставленном кабинете на верхнем этаже отдела полиции. На столе стоял компьютер и, в общем, больше ничего, не считая возникшей вчера из ниоткуда груды коробок со всей бумажной писаниной по первоначальному расследованию дела Бассани и Кармоди. Хаотическая каша из чеков, счетов и загадочных записок, которую по просьбе их детектива-инспектора Рода Гилмертона наскребла им местная полиция. В один прекрасный день слова «бумажная писанина» устареют. Во всяком случае, Реджи очень на это надеялась. Другая причина не причащаться местного кофе состояла в том, что Гилмертон велел им сидеть тихо и не высовываться.

– Благоразумие – главное достоинство того и сего, – пояснил он.

– Храбрости, – подсказала Реджи. – Хотя на самом деле у Шекспира не так, а «главное достоинство храбрости – благоразумие»³⁵. Все вечно путают.

– Спустилась бы ты с облаков, – сказал ей Гилмертон.

– Вопреки популярному заблуждению, я давно и прочно

³⁵ Уильям Шекспир. Генрих IV. Часть 1, акт V, сцена 4. Перев. Е. Бируковой.

осела на земле, – ответила она.

Встречали их без флагов и транспарантов. Они интервенты из другого подразделения, и в этих краях им не то чтобы рады. Порученное им дело открыли здесь десять с лишним лет назад. И уже не один год, как закрыли: виновные получили наказание, невинные – компенсацию, грязь подтерта, хотя любой офицер на месте преступления знает, что след остается всегда. И тем не менее все вели себя так, будто дело закрыто, и не просто закрыто, а заперто в ящик, убрано на верхнюю полку, и все стараются про него забыть и жить дальше, а тут Ронни и Реджи явились взламывать замки и опять этот ящик открывать.

Было еще рано и довольно тихо, только внизу дежурный оформлял стайку вчерашних ночных алкашей, чтоб они вернулись в ряды общества и стали сегодняшними ночными алкашами. Несколько весьма бесполезных минут Реджи и Ронни перечитывали свои вчерашние записи. Накануне они полдня допрашивали профессионального игрока из гольф-клуба «Бельведер», чью память, вполне вероятно, начисто стерли пришельцы. Вообще, пришельцы здесь со многими неплохо поработали.

Ронни служила в полиции Брэдфорда, а Реджи в Лидсе, и хотя сотрудничали они всего пару недель, обосновавшись в отделе Реджи, обеим уже стало ясно, что между ними царит гармония. Реджи воображала, что они могли бы дружить и вне работы, но эту мысль держала при себе – не хотела на-

вязываться.

Обе они входили в небольшую рабочую группу под названием «Операция „Виллет“»³⁶. Собственно, кроме них, в группе никого и не было. Гилмертон периодически бильярдным шаром залетал и в другие следственные группы. Довольно милый человек, и Реджи поначалу нравилось, как легко он ко всему относится, но спустя некоторое время ей уже казалось, что он скорее легковесен, чем легок.

Реджи и Ронни привлекли, чтоб они допрашивали потенциальных свидетелей и контактных лиц. Недавно всплыли новые обвинения, и сама обвинительница жила на их территории. Задача Реджи и Ронни – поговорить с людьми, которых упоминали другие люди, которых, в свою очередь, упомянули третьи люди, и все это смахивало на игру в испорченный телефон. Бесконечно расплзающийся пазл с кучей потерянных деталей, поскольку история тянулась аж с семидесятых и многие упомянутые уже умерли. К несчастью. Новые обвинения касались представителей истеблишмента – большие шишки, «важны лица» на родном наречии Реджи, – и, однако, расследование неприметное дальше некуда. Может, и правильно. Или нет.

Гилмертон был на грани пенсии, счастливо предвкушал дембель и по большей части предоставлял им «ворочать дело» самостоятельно. Особых результатов, сказал Гилмертон,

³⁶ Операция одноименна роману Шарлотты Бронте *Villette* (1853, тж. в рус. пер. А. Глебовской и И. Проценко «Городок»).

он не ждет («Мы просто расставляем кой-какие точки над „i“»), что только наполняло Ронни и Реджи решимостью разгадать загадку.

– Мы отыщем все детали, – сказала Реджи. – Они где-нибудь под ковром или в спинку дивана завалились. Но мы это дело закроем.

– Может, их не просто так под ковер замели, – сказала Ронни.

Ронни любила порядок немногим меньше Реджи, а это кое о чем говорит. Обеих недавно повысили – обе стремительно росли, «до самого верха», как сказала Ронни. Два года в полицейском мундире, а потом обучение в Управлении уголовных расследований. Обе рьяные. Реджи планировала проситься на работу в Национальное агентство по борьбе с преступностью. Ронни хотела в Столичную полицию.

Реджи была шотландка, но изгнаннической ностальгии по родине не испытывала. В ее родном Эдинбурге прошли худшие годы ее жизни. И вообще, вся семья перемерла – не к кому возвращаться. В восемнадцать Реджи улетела на юг и приземлилась в Дерби, где получила диплом по юриспруденции и криминологии. До того как приехала, не нашла бы этот Дерби на карте. Ей, в общем, было все равно, куда податься, – лишь бы не туда, откуда пришла.

Ронни выучилась на криминалиста в магистратуре Кентского универа. Ронни звали Вероника, написание такое: Weronika. Родители ее были поляки, и мать звала ее Верой

– Ронни это ненавидела. Эмигрантка во втором поколении. Родители вечно талдычили, что надо возвращаться, но Ронни их порывов не разделяла. Что тоже роднило ее с Реджи.

Обе они были одного роста – маленькие. («Миниатюрные», – поправляла Ронни.) Реджи стригла волосы, чтоб только закрывали уши, а Ронни аккуратно стягивала пучок резинкой. Женщины-детективы постарше – в большинстве своем портновская катастрофа: джинсы или юбки не по размеру, застиранные блузки и немодные жакеты на телах, размягченных чрезмерным избытком еды навынос и чипсов. Реджи и Ронни – как картинки. Сегодня Ронни надела белую блузку и темно-синие брюки. Реджи, несмотря на жару, пришла в черном костюме «летней шерсти» (и выяснила, что на свете не существует ничего подобного – шерсть есть шерсть).

В юности Реджи мечтала, что однажды у нее начнется жизнь, в которой будет черный костюм. Ее наставница и наемательница тех лет, Джоанна Траппер, каждый день ходила на работу в больницу в черном костюме. Реджи работала у доктора Траппер «маминой помощницей», и они по-прежнему регулярно общались, хотя доктор Траппер с сыном Габриэлем переехали в Новую Зеландию – «начать жизнь заново». (Язык не повернется упрекнуть, если вспомнить, что с ней приключилось.) «Может, приедешь, Реджи? Приезжай в гости. Может, стоит даже работу здесь подыскать». Новая Зеландия – это ужас как далеко, считала Реджи. «Ну, если ты уже здесь, тогда нет, – написала ей доктор Траппер. – То-

гда это совсем недалеко. Тогда это прямо там, где ты. А ты здесь». Не наставница – скорее гуру.

Реджи занималась тхэквондо, Ронни боксировала. Чем-то заниматься надо, если ты маленькая, и женщина, и в полиции. Тройной гандикап. Реджи стремительно росла не только в Управлении уголовных расследований – в тхэквондо тоже, уже третий дан. У Реджи была греза. Темная ночь, зловещий переулочок, внезапное нападение – и изумление сбитого наземь противника. *Кий-я!* В секции, правда, никто так не говорил. Да Реджи и драться не любила, но если тебя всю жизнь называют «малка девойка» или «бедная малютка Реджи Дич», иногда можно кровожадно помечтать всласть.

Реджи получила стипендию в Кембридже, но отказалась. Знала, что утонет в этом море привилегий и врожденных прав и, даже если ее примут, все равно каждый божий день будут смотреть на нее и видеть ее прискорбные корни. Отец Реджи погиб до ее появления на свет – несчастный случай, «пальнули по своим» (очень странное представление о своих, считала Реджи) в бессмысленной войне, о которой все уже почти позабыли. А ее мать утонула – несчастный случай в бассейне, – когда Реджи было пятнадцать, после чего Реджи осталось потерять только брата, которого убили наркотики.

Дерби открыл ей глаза: там были сверстники, которым она нравилась (У нее друзья!), и отношения (Секс! Не стыдно!) со смешным вежливым мальчиком, который учился на ай-

тишника и теперь работал антихакером на ту самую злую транснациональную корпорацию, которую хакнул аспирантом, потому что так, знамо дело, происходит со всеми хорошими хакерами – их принуждают работать на дьявола, шантажируя долгим тюремным сроком или экстрадицией. Звали мальчика Сай, он был красивый азиат, с Реджи они больше не встречались, потому что ему предстоял договорной брак, и его переманило ФБР, и он уезжает работать в Куантико, и все это, считала Реджи, слишком показушный способ закончить отношения.

Сердце ее не разбилось вдребезги, только треснуло, хотя и трещина – уже нехорошо. А в утешение ей остались карьера и черный костюм.

– Вот это дело, – сказала Ронни.

Сама Ронни была сейчас «между подругами». Реджи частенько жалела, что не лесбиянка, это бы сильно упростило ей жизнь, но Ронни чуть не померла со смеху и спросила:

– Это каким же образом?

Тхэквондо Реджи занялась в универе. Там было полно секций и клубов – учишь на здоровье чему хочешь. Доктор Траппер в университете занималась бегом – а также стрельбой, – и Реджи понимала, до чего это полезные навыки, потому что доктор Траппер ей наглядно показала.

Доктор Траппер – самый милый, добрый, чуткий человек в жизни Реджи, и Реджи знала достоверно, что доктор Траппер убила двоих мужчин голыми руками (буквально),

и в курсе были только Реджи и еще один человек. Так что сами видите.

– Есть справедливость, а есть закон. Какая связь? – сказала ей однажды доктор Траппер, и Реджи это поняла, и другой человек, который знал о краткой киллерской карьере доктора Траппер, тоже понял бы.

Ронни и Реджи допили кофе – осушили кружки одновременно. Оставили сообщение для Гилмертона, рассказали ему о своих планах на сегодня и диспетчерской тоже рассказали. В основном вопрос оперативного взаимодействия – у Реджи сложилось впечатление, что все плевать хотели.

– Так, – сказала Ронни. – Пора шевелиться.

Когда Ронни позвонила в дверь «Спрута и сердцевинок», у обеих полицейские удостоверения уже были наготове. Открыла женщина, и Ронни сказала:

– Доброе утро, я детектив-констебль Ронни Дибички, а это детектив-констебль Реджи Дич.

Реджи улыбнулась женщине и подняла удостоверение повыше, чтобы было видно, но та и не глянула.

– Мы ищем мистера Эндрю Брэгга, – сказала Ронни.

– Энди? Это зачем еще?

– Вы его жена? – спросила Реджи.

– Допустим, – сказала женщина.

Ну ты либо жена, либо нет, подумала Реджи. Ты же не кот Шрёдингера.

– А мистер Брэгг дома? – спросила Ронни. – Нам коротко поговорить, и все, – успокоила она. – Подбираем кое-какие потерянные концы в давнем деле. Писанина в основном, нужно навести порядок.

И Ронни вопросительно задрала бровь. Бровь она задира-ла шикарно. Реджи тоже пробовала, но у нее получалось, как будто она плохо (очень плохо) изображает Роджера Мура. Или Граучо Маркса³⁷.

Бровь сломила сопротивление жены Энди Брэгга.

– Пойду посмотрю, – может, он дома. Ну вы заходите, что уж тут, – неохотно прибавила она, припарковала их в общей гостиной и исчезла в недрах дома.

На буфете веером лежали туристические буклеты. Лодочные экскурсии, верховая езда, местные рестораны и телефоны заказа такси. Реджи села на диван и взяла с кофейного столика расписание приливов и отливов. Ткань диванных подушек и штор разрисована ракушками. Как начнешь приглядываться, ракушки на каждом шагу. Несколько напрягает. Реджи прочла таинственные сведения из таблицы.

– Малая вода сегодня в три, – сообщила она.

Ни Ронни, ни Реджи никогда не жили у моря. Море для

³⁷ Сэр Роджер Джордж Мур (1927–2017) – английский актер, сыгравший Джеймса Бонда в семи фильмах бондианы в 1973–1985 гг. Граучо Маркс (Джулиус Генри Маркс, 1890–1977) – американский комик, звезда кино, радио и телевидения, третий брат Маркс и член одноименной труппы братьев Маркс. Брови у обоих были довольно выразительные.

них – загадка. Плещет туда и сюда, туда и сюда, покоряясь луне.

В гостиную забрела собака ростом с тяжеловоза, молча обозрела их и убрела прочь.

– Большая какая, – отметила Ронни.

– Да уж, – согласилась Реджи. – Почти с тебя.

– И с тебя.

Реджи глянула на часы:

– Как думаешь, миссис Брэгг не забыла, что ищет мистера Брэгга?

В гостиную зашел мужчина, увидел их и вздрогнул.

– Мистер Брэгг? – вскочила Реджи.

– Нет, – сказал он. – Вы его не видели? В душе нет горячей воды.

На восемнадцатой играем, на девятнадцатой пьем

– По-моему, угощаешь ты, сквайр, – сказал Энди.

– Опять? – спросил Винс.

Это как так? Винс же только что на всех взял? Счет из бара, наверное, уже до облаков дорос – Томми и Энди пили двойные сингл-молты. Винс старался обойтись пинтами, и все равно поплыл.

– В легком весе выступаешь, – сказал ему Томми. – Что с тобой сегодня такое?

– Не обедал, – ответил Винс. – Занят был, не успел.

Едва ли правда. То есть насчет обеда правда, насчет «занят» – ни в коей мере, потому что в довершение ко всему – и об этом Винс ни словом никому не обмолвился – неделю назад его выперли с работы. Достиг низшей точки. Дна. Невзгода за невзгодой. Катастрофа библейских масштабов, словно Винса испытывает ревнивый ветхозаветный Господь. Страдаю, как Иов, подумал он. Его растили баптистом в Уэст-Йоркшире, и воскресная школа пустила корни.

Смешно совпало, что страдание и трудовая страда – похожие слова. Не очень смешно, если одно есть, а другого нет. Сократили за избыточностью.

– Прости, Винс, – сказал его босс Нил Ротчер. – Но сам понимаешь... – И пожал плечами: – Поглощение и все такое.

Несообразно, счел Винс, жать плечами, когда человек теряет средства к существованию.

– Как начинается консолидация активов, сокращения неизбежны, – сказал Ротчер. («Рифма – дрочер», – говорили все за его спиной. И правда. Дрочер и есть.)

А при этом Винса все, наоборот, любили – аж сияли, когда он входил, всегда ему радовались («Принести тебе кофе, Винс?», «Как там твоя дочурка, Винс? Эшли, кажется, да?»). В отличие от Венди, которая весь год и головы не поворачивала, когда Винс перешагивал порог. Была одна особенно приятная женщина, работала в йоркском офисе, Хэзер ее звали. Полненькая такая и всегда одевалась в лиловое – не сказать, что то и другое ее не красило. Всегда обнимала Винса и говорила: «Вы гляньте, кто пришел, – да неужто Винс?!» – словно это большой сюрприз.

– Я проработал в компании двадцать лет, – сказал Винс Ротчеру. – Это что, не считается? Вроде всегда было «первым пришел, последним ушел»? А не «первым пришел, первым ушел»?

А этот дрочер опять жмет плечами:

– Им, понимаешь, нужна свежая кровь. Молодые голодные ребята, чтоб готовы были кровью истекать ради компании.

– А я не истекал? Я весь истек! Я уже как жертва вампира после пира!

– Винс, не усложняй. – (Это почему еще?) – Получишь

хорошее выходное пособие.

Хорошее, ага. Хрен там, думал Винс. На эти деньги и год не протянуть. Вселенная над ним насмехается. Безработный разведенный мужик под полтинник – есть ли на планете более низшие формы жизни? Год назад Винс был полноценным человеком – мужем, отцом, работником, – а теперь стал избыточен и сокращен во всех смыслах этого слова. Ошметок на дне фритюрницы.

– Шевелись, Винс! – прервав эти размышления, грохнул в ушах голос Томми Холройда. – Тут люди от жажды умирают.

– Слыхал новости? – невзначай спросил Томми, когда они сели за столик у окна с прекрасным видом на фервей. (Томми всегда доставался лучший столик – сотрудницы клуба его любили.) – Говорят, Кармоди выпускают. Ввиду особых обстоятельств.

– Господи, – сказал Винс. – Как ему это удалось?

– Из гуманизма. У него жена умирает. Якобы.

Томми и Энди переглянулись – Винс не понял, что означали эти переглядки. И Бассани, и Кармоди были членами «Бельведера». В клубе о них не поминали, но их призраки по-прежнему шныряли где-то в тених. Оба оставили по себе некое пятно, вопросительный знак на всем, к чему прикасались. И конечно, всю дорогу ходили слухи про третьего. «Кто-то из этих?» – гадал Винс, взглядом окидывая

клуб, уже бурливший алкоголем и праздною болтовней самодовольных. Винс здесь и прежде чувствовал себя лишним, а теперь, докатившись до жизни такой, – тем более.

Обоим, и Бассани, и Кармоди, предъявляли чудовищные обвинения – в основном дело касалось несовершеннолетних, и от одной мысли о том, что творили эти двое, Винса мутило. Обвинениям несть числа – устраивали «вечеринки», куда-то «поставляли» детей, ездили за границу в свои «особые» заведения. «Черная записная книжечка» – имена судей, и банкиров, и полицейских. Сильных мира сего. Не говоря уж о коррупции – оба годами заседали в местных структурах власти. Почти ничего не доказано – только (только!) непристойные приставания к несовершеннолетним девочкам, детская проституция и владение детской порнографией. Хватило, чтоб их посадить, – во всяком случае, хватило, чтобы посадить Кармоди, поскольку Бассани повесился в тюрьме Армли. Кармоди признали виновным по всем эпизодам и отправили в Уэйкфилдскую тюрьму, а он все уверял, что чист. Ни тот ни другой содержимого черной записной книжечки не выдали, если такая вообще была.

– Я слышал, – сказал Томми, – Кармоди болен.

– Это кто тебе сказал? – спросил Энди.

– Птичка напела. Важная такая птица – отставной помощник главного констебля, ходит сюда выпить.

– Дылда, борода гейская?

– Он самый. Сказал, Кармоди недолго осталось. У него

УДО подходит через несколько месяцев, а он хочет пораньше. Говорят, заключил сделку со следствием.

– Сделку? – рявкнул Энди. – Какую сделку?

– Не в курсах, – ответил Томми. – Может, выдаст имена.

– Чьи? – спросил Винс, стараясь не выпасть из разговора. – Типа этого третьего человека?

Томми и Энди повернулись к нему разом и уставились, будто увидели впервые за весь вечер. Пауза, а затем Томми рассмеялся:

– Третьего человека? Вроде фильм такой был, нет?³⁸

Томми и Энди снова переглянулись, исключив Винса напроочь. Друзья по-честному.

³⁸ «Третий человек» (*The Third Man*, 1949) – нуар английского режиссера Кэрла Рида по сценарию английского писателя Грэма Грина с Джоозефом Коттеном, Орсоном Уэллсом, Алидой Валли и Тревором Хаурдом в главных ролях.

В ожидании героя³⁹

Вернувшись домой, Джексон тут же содрал с себя мокрое и бросил в стиральную машину, а потом залез в душ и открыл горячую воду до упора. Лето-то лето, но купание в Северном море вполне обеспечит гипотермию.

Приятно вернуться на твердую землю. Море – не его стихия, Джексону подавайте землю, а воду унесите. И в тепле коттеджа тоже приятно. В поленнице дрова, дверной косяк увит жимолостью. Коттедж стоял на территории поместья, которому уже сотни лет, – построено во времена, когда на этих землях обосновались норманны. Все ухожено. Джексону по душе. Кто бы мог подумать, что он окончит свои дни здесь. Не что чтобы они непременно окончены.

Коттедж отодвинут от моря на триста ярдов, ютится в глубине долинки, расселины в ландшафте, и от особо жестоких ветров спасен. С фасада вид на лес, зады прикрыты холмом. По долинке тек ручей. Порой на холме возникали коровы. Появление и исчезновение коров – загадка, над которой человек помоложе размышлял бы гораздо меньше Джексона.

Джексон жил здесь с весны, и ему нравилось – он даже подумывал задержаться на подольше. Если снегопад, нас отре-

³⁹ «В ожидании героя» («Holding Out for a Hero», 1984) – песня Джима Стайнмана и Дина Питчфорда, записанная валлийской певицей Бонни Тайлер и вошедшая в ее альбом «Secret Dreams and Forbidden Fire» (1986).

зает от мира, поведал сосед, когда Джексон только въехал, – иногда целыми днями ни души. Заманчиво.

(– Затворничество, – сказала Джулия. – Прокурору больше сказать нечего.)

– Нормас? – спросил Натан, мельком глянув на Джексона, когда тот вошел в гостиную, полотенцем вытирая волосы.

Такая заботливость внушает надежды – значит они вырастили все-таки не социопата.

– Да. Спасибо, – ответил Джексон.

Натан сгорбился на диване – похоже, в чате сидел, – а по телевизору между тем шла какая-то телеигра, сложносочиненная и идиотская разом. («То есть как ты», – произнес у Джексона в голове голос Джулии.) Там носились какие-то люди, выраженные животными – курами, кроликами, белками с громадными бошками, – а какие-то другие люди орали, их подбадривая.

– Тем временем в Алеппо, – буркнул Джексон.

– Чего?

– Ничего, – вздохнул он.

– Это было круто, – продолжительно помолчав, сказал Натан.

– Что?

– Что ты сделал.

– Рабочие будни, – сказал Джексон, хотя сердце у него раздулось от гордости. Сын воздал почести отцу.

Составить мнение о чипсах Джулия позабыла, так что

Джексон с Натаном весьма по-дружески умяли большой пакет «Кеттл» со сладким чили и сметаной и посмотрели, как гоняются друг за другом огромные белки и кролики. Если ты спас чью-то жизнь, думал Джексон, день хорош. Еще лучше – если остался в живых сам.

Летний сезон

Баркли Джек сидел у себя в гримерке, горстями размазывая базу «Риммел» по лицу. Прервавшись, угрюмо уставился в зеркало. Выглядит на свои годы? (Пятьдесят восемь.) Н-да, выглядит, на все пятьдесят восемь до последней минуты и даже старше. Баркли (настоящее имя Брайан Смит) пал духом. Желудок сделал сальто-мортале. Страх сцены? Или несвежий карри?

В гримерку постучали. Дверь осторожно приоткрылась, и внутрь всунулась голова Гарри. На сезон Баркли выделили «ассистента» – волонтера, школьника, который хотел «проникнуть в театр». Этой дорожкой ты в театр не проникнешь, солнце, думал Баркли. Гарри. Гарри Холройд. Имечко – словно у комика из немого кино. Или у эскаполога.

– Осталось десять минут, мистер Джек.

– Отъебись.

– Да, мистер Джек.

Гарри закрыл дверь и завис в коридоре. В следующем году он собирался подавать документы в Университет Сандерленда на киноведение и театроведение, поэтому решил, что работа в «Чертогах» – подходящий опыт, хорошо будет смотреться в анкете. И это, конечно, был *некий опыт* – только придя сюда, Гарри осознал, до чего наивна и оранжерейна

была до сей поры его жизнь. «Чертоги» – название не совсем точное. Походить на чертоги меньше – это надо очень постараться.

По узкому коридору, балансируя на красных лаковых шпильках великанского размера, подплывал Соня Кристи. Сонни Кристи – хотя все его звали Соней – был здоровяк шести футов с гаком, сложенный как регбист на позиции форварда.

– К Соник⁴⁰ отношения не имею, – весьма загадочно говорил он. – Меня зовут Соней с тех пор, как я был еще бебе.

По-настоящему его звали Клайв, но фамилия – взаправду Кристи. В афише Соня значился «женским пародистом», что доводило его до белого каления.

– Я им, блядь, кто? Дэнни Ля Рю?⁴¹ – говорил он Гарри.

Гарри понятия не имел, кто это, но нашел его – или ее – в древней телепрограмме «Старые добрые времена».

– Довольно... *странно*, – отчитался он Соне.

– Ой, мать, – отвечал Соня (он был из Ньюкасла), – это

⁴⁰ Соник (Кайли Лав, р. 1983) – американская танцовщица, актриса, бывшая дрэг-квин и активистка движения за права трансгендерных персон; в качестве дрэг-квин снималась во втором сезоне конкурсного реалити-шоу «Королевские гонки РуПола» (*RuPaul's Drag Race*, с 2009), где участники соревнуются за звание новой американской дрэг-квин-суперзвезды под руководством ведущего – американского актера, дрэг-квин и автора-исполнителя РуПола Андре Чарльза (р. 1960).

⁴¹ Дэнни Ля Рю (Дэниэл Патрик Кэрролл, 1927–2009) – англо-ирландский артист, певец, «женский пародист» – пародировал, помимо прочих, Элизабет Тейлор, Марлен Дитрих, Джуди Гарленд и Маргарет Тэтчер.

тебе еще Фанни Крэдок⁴² не попадалась.

В «Чертогах» программа была по мотивам восьмидесятых – эстрадное шоу, тоже, в общем, странное эхо «Старых добрых времен».

– Я дрэг-квин, ебанный же в рот, – сказал Соня. – Что им стоило так и написать?

Из любопытства Гарри отыскал «Королевские гонки Ру-Пола» и обнаружил, что Соня, вопреки его заверениям, в перевертышном мире дрэга – персонаж весьма старомодный, скорее Лили Сэвидж⁴³, чем РуПол. Само собой, отец, ни капли не интересовавшийся, что Гарри смотрит, ворвался к нему в комнату именно в этот момент.

– Господи боже, – сказал он. – А нельзя порнуху посмотреть, как все нормальные люди?

Сейчас Соня тралил глубины тугого корсета в поисках сигарет. Курить в театре строго-настрога воспрещалось – «спичечный коробок», вспыхнет в любой момент, по словам ассистента режиссера. В тех датчиках дыма, что все-таки были, давным-давно сели батарейки, а спринклеры за сценой навязчиво отсутствовали, и поэтому там противозаконно курили только так. Хуже всех были танцовщицы: дымили как паровозы в гримерке, в пожарном кошмаре лака для волос

⁴² Фанни Крэдок (Филлис Нэн Сортен Пичи, 1909–1994) – английский ресторанный критик, ведущая многочисленных кулинарных телешоу.

⁴³ Лили Сэвидж – дрэг-персона английского актера, комика, радио- и телеведущего Пола Джеймса Грейди (р. 1955); в этом образе он выступал в 1980–1990-х.

и полиэстера.

Соня протянул Гарри сигареты:

– Валяй, мать, не помрешь.

– Нет, не хочу, спасибо, – ответил Гарри.

Этот диалог повторялся примерно каждый вечер, и Гарри таскал в кармане спички, чтоб давать Соне прикуривать. Он... она, *она*, поправился Гарри, с сигаретами справлялась, а вот для поджига в костюме не было места.

– Слишком туго, – ворчал Соня. – Если еще чего туда запихать, трение такое будет, что берегись все живое. Не исключено самопроизвольное возгорание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.